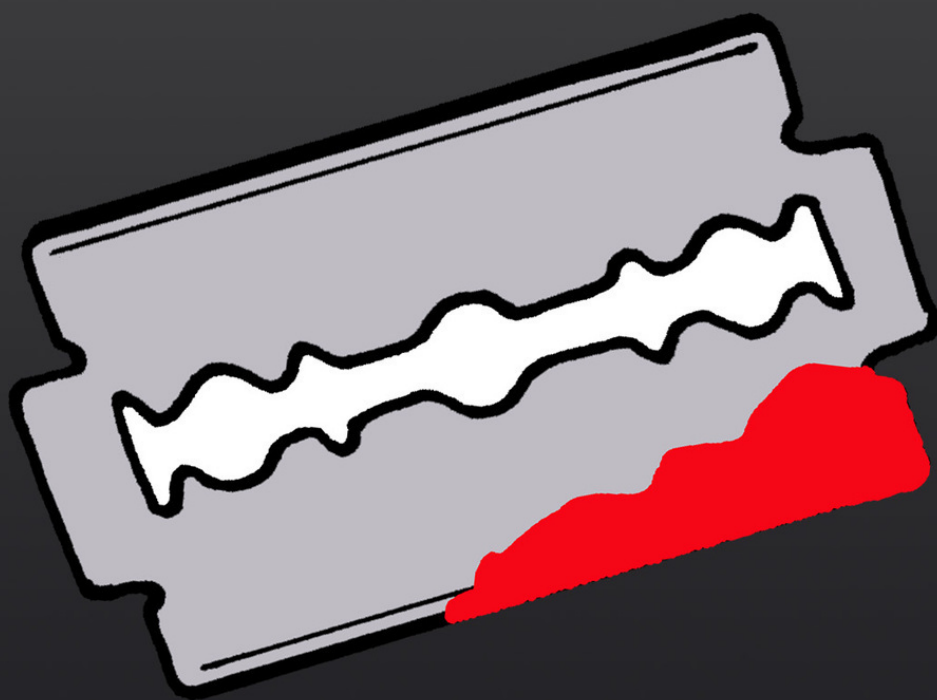

**ДМИТРИЙ
САФОНОВ**

**РОМАН
С ДЕМОНОМ**

Дмитрий Сафонов

Роман с демоном

«Сафонов Дмитрий Геннадьевич»

2006

Сафонов Д. Г.

Роман с демоном / Д. Г. Сафонов — «Сафонов Дмитрий Геннадьевич», 2006

ISBN 5-8189-0767-8

«Нет. Не спешить. В долгом предвкушении заключена томительная сладость. Еще одна пуговица... Пауза. Холодная мутная капля повисла на войлочной обивке стены; набухла, росла... затем сорвалась, извилисто покатила вниз, растрчиваясь на блестящую дорожку. Еще одна пуговица... Рот наполнился вязкой слюной, язык прилип к небу; с трудом освободился, издав громкий цокающий звук. Еще одна пуговица... Длинные ресницы сомкнулись; тусклый грязный свет задрожал на них, разбился, превратившись в мягкое искрящееся сияние. Еще одна пуговица... Последняя. Одежда с шорохом упала на пол. Аромат разгоряченного тела, прикосновение воздуха к груди — холодное, но... такое нежное. Прикосновение — как обещание. Длинные спутанные пряди черных волос щекотали лицо и плечи. Если медленно запрокинуть голову, это будет похоже на легкие поцелуи. Руки... Пальцы нервно подергивались. Какие нетерпеливые! Приходилось их обманывать: уворачиваться, извиваться, заставляя промахиваться мимо желанной цели; ладони горели, ощущая ее близость...»

ISBN 5-8189-0767-8

© Сафонов Д. Г., 2006

© Сафонов Дмитрий
Геннадьевич, 2006

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Дмитрий Сафонов

Роман с демоном

Пролог

Нет. Не спешить. В долгом предвкушении заключена томительная сладость. Еще одна пуговица... Пауза.

Холодная мутная капля повисла на войлочной обивке стены; набухла, росла... затем сорвалась, извилисто покатила вниз, растрчиваясь на блестящую дорожку. Еще одна пуговица...

Рот наполнился вязкой слюной, язык прилип к небу; с трудом освободился, издав громкий цокающий звук. Еще одна пуговица...

Длинные ресницы сомкнулись; тусклый грязный свет задрожал на них, разбился, превратившись в мягкое искрящееся сияние. Еще одна пуговица... Последняя.

Одежда с шорохом упала на пол. Аромат разгоряченного тела, прикосновение воздуха к груди – холодное, но... такое нежное. Прикосновение – как обещание.

Длинные спутанные пряди черных волос щекотали лицо и плечи. Если медленно запрокинуть голову, это будет похоже на легкие поцелуи.

Руки... Пальцы нервно подергивались. Какие нетерпеливые! Приходилось их обманывать: уворачиваться, извиваться, заставляя промахиваться мимо желанной цели; ладони горели, ощущая ее близость.

Новый запах – нарастающий, сильный, вязкий. Зубы до боли стиснули нижнюю губу. Лицо и шею окатило волной жара.

Она не могла дольше сдерживаться – тихонько застонала.

Острые ногти вонзились в кожу; обильно, словно вечерняя роса, выступили алые бусины. По щекам потекли благодарные слезы; тело сотрясла крупная дрожь – еще не от наслаждения, но от его неотвратимости, – и рука рванулась вниз, оставляя глубокие борозды.

Раны быстро заполнялись кровью; кровь струилась по белому животу, сплеталась в немыслимые узоры, подбираясь все ближе и ближе...

Она плотно сдвинула бедра и следила, как между ними копится теплое красное озерцо. Наконец, когда сил ждать больше не осталось, резко развела в стороны колени, забила в беззвучных судорогах и упала на жесткую деревянную полку, прикрученную к стене.

Тело перечеркнули параллельные тени – от толстых прутьев решетки.

Глава 1

Во двор жилого многоквартирного дома на Тимирязевской улице медленно въехал черный джип «Шевроле-Тахо» с тонированными стеклами.

Автомобиль аккуратно протиснулся сквозь ряды «легковушек», припаркованных как попало, и замер перед подъездом, переводя дух. Восьмицилиндровый двигатель еле слышно шелестел, из выхлопной трубы оседала на асфальт рваная кисея отработанных газов.

Фары погасли, мотор умолк, и водительская дверь открылась. На хромированную дугу ступила нога в щегольском коричневом ботинке «John Lobb».

Молодой мужчина в благородно-синем костюме итальянского покроя обошел джип и открыл пассажирскую дверь. На его ладонь легла узкая девичья рука.

Мужчина помог девушке выйти, обнял за талию и прижал к себе. Последовали два быстрых поцелуя: в уголок рта и в висок. Сухие, отрывистые, горячие и очень нежные.

Она уткнулась в его плечо и стояла так несколько секунд; затем мягко отстранилась и, покопавшись в сумочке, достала электронный ключ от домофона. Раздался длинный зуммер. Мужчина открыл дверь и остановился, пропуская девушку вперед.

Под ногами захрустели разобранные картонные коробки. В подъезде пахло сыростью и прокисшей едой.

Девушка нажала на кнопку; в полумраке, словно кровавое пятно, загорелся рубиновый огонек вызова. Где-то, на самом верху, глухо громыхнула кабина лифта. За створками из тонкого пластика отчетливо прощуршали по рельсам ролики противовеса.

Мужчина нащупал пальцы девушки. Они были влажными и холодными. Он понимал, что не стоит ничего говорить. Любые слова, сказанные здесь, в тесном пространстве лестничной площадки, рядом с вонючей трубой мусоропровода, прозвучат фальшиво и, скорее всего, возымеют прямо противоположное действие, чем то, на которое он рассчитывал.

Он просто легонько пожал ее пальцы и тут же отпустил.

Возникла пауза – последняя неловкая заминка на их пути. Заполнять ее было нечем, да и незачем. Ни шутить, ни свистеть, ни что-то напевать.

Казалось, двадцать секунд тянулись целую вечность. Он молчал. И она – тоже. Тросы скрипели уже совсем рядом; кабина ползла между третьим и вторым этажами.

Двери лифта открылись. Сильная рука оторвала девушку от пола и внесла в кабину.

– Какой этаж? – спросил мужчина.

Он излучал спокойную уверенность – в себе и правоте своих действий. Девушка больше не задумывалась над тем, верно ли она поступает. Он уже все решил и он наверняка знает лучше. Он – большой, сильный и настоящий. Сдаться – значит переложить ответственность на его плечи.

– Шестой, – прошептала она и закрыла глаза.

Мужчина целовал ее, а она словно видела это со стороны: вот она стоит, закрыв глаза, и его губы касаются... «МОЕЙ ПРЕКРАСНОЙ ТОНКОЙ ШЕИ!».

Волоски у самой ямочки, собранные заколкой на затылке, натянулись и зазвенели, как тонкие струны. По спине, вдоль позвоночника, побежали холодные мурашки.

Двери захлопнулись, и лифт, скрипя, начал подниматься.

* * *

– Ты живешь одна?

Мужчина осмотрел маленькую прихожую, задержав взгляд на вешалке и подставке для обуви.

Он принял у девушки легкий плащ, расправил и повесил в шкаф.

– Да, – ответила она. – Не живу, а снимаю. Это так... Временно, – она нахмурилась, словно вспомнила что-то, не слишком приятное, и решила сменить тему. – Ты голоден?

– Не очень. Но я бы не отказался от легкого ужина.

Девушка взмахнула густой темной челкой.

– Пойду посмотрю, может, в холодильнике что-нибудь осталось.

Она отправилась на кухню. Мужчина зашел в ванную, включил воду и снял пиджак. Он ослабил узел галстука, вытащил из манжетов золотые запонки и положил их на край раковины. Намылил сильные кисти с длинными тонкими пальцами и принялся.

– Клубника, – пробормотал мужчина. – Я больше люблю яблоки.

Он мыл руки долго и тщательно, как хирург перед операцией, подносил их к лицу и внимательно осматривал. Наконец, удовлетворенный результатом, выбрал самое чистое полотенце и вытерся.

Затем положил запонки в карман пиджака и нащупал узкий продолговатый предмет.

Все на месте. Он был готов.

* * *

Девушка, надев передник с изображением смешного медвежонка, решившего полакомиться медом, второпях резала сыр. На столе перед ней лежал большой сочный помидор и пучки свежей зелени.

Мужчина подошел сзади и, коснувшись губами ямочки между плечом и шеей, прошептал:

– Ты вкусно пахнешь. Ты – прелесть.

Девушка невольно передернула плечами.

– Перестань. Я порежусь.

Нож соскользнул с благородного камамбера, покрытого зелеными прожилками плесени, и стукнулся о пластиковую доску.

– Хорошо, не буду. У тебя есть вино?

– Посмотри в холодильнике.

Мужчина достал темную пузатую бутылку.

– «Ламбруско». Италия. Мне нравятся красные полусладкие вина.

– Штопор – в ящике стола.

Мужчина вогнал стальную спираль в горлышко и потянул рукоять на себя. Длинная пробка упиралась, не желая сдаваться.

Он зажал бутылку между коленями и потянул сильнее. Раздался громкий хлопок, и сразу вслед за ним – вскрик.

– Ой! – девушка отбросила нож и стояла, глядя, как на подушечке левого указательного пальца выступает капелька крови. На ее лице появилось плаксивое выражение.

Мужчина поставил бутылку на край стола и, не отводя взгляд от рубиновой капельки, осторожно взял руку девушки и облизал палец.

– Не бойся... Маленький порезик. Одна только капля. Больше ничего. Это не страшно.

Девушка хотела вырваться, но он прижал ее к столу и крепко обхватил оба запястья.

– Маленькая капля, – нараспев повторял он, заставляя ее снова взяться за нож. – Милый пустячок...

Он положил ее левую руку на мясистый помидор и занес нож, как для удара. Девушка рванулась, раздавив помидор, и он разлетелся по всей кухне россыпью алых брызг. Бутылка опрокинулась и упала на пол.

Горлышко издавало булькающие звуки, красное вино вытекало толчками, как кровь из глубокой раны.

– Пусти! – воскликнула девушка.

Он подхватил ее на руки и понес в спальню.

– Маленький беспорядок, – бормотал он. – Я потом все уберу. Обязательно уберу.

Глава 2

Второй раунд подходил к концу. Рюмин начал задыхаться. Он ушел в глухую защиту и прижался к канатам, принимая удары на перчатки и выставленные предплечья, но рука спарринг-партнера все чаще находила кратчайший путь к цели.

Длинный левый хук по корпусу... Рюмин еле успел опустить правый локоть, но полностью погасить энергию удара не сумел. Ощутимый удар потряс ребра, печень отреагировала вспышкой боли, разлившейся по всему животу.

Рюмин стал смещаться вправо, сбивая противника с прицела. Короткий правый хук в голову. Это он предвидел и вовремя подсел. Двенадцатиунциевая перчатка лишь смазала по коротко стриженным, с проседью, волосам.

Легкие горели. Казалось, еще немного, и они расплавятся, словно куски полиэтилена; вытекут, обжигая пересохший рот.

«Продержаться до гонга», – билось в голове.

Что угодно, лишь бы продержаться!

Тренер, Юрий Шелягин, был человеком старой закалки. Он не признавал двухминутных раундов. «Бокс, ребята, – всегда говорил он, – начинается с третьей минуты». И Рюмин никогда не спорил.

Когда он начинал боксировать, все было по-другому. Перчатки – жесткие, восьмиунциевые, никаких шлемов на голове и честные трехминутные раунды. В конце концов, бокс – не шахматы и даже не настольный теннис. На ринг выходят, чтобы драться. И три минуты – они для всех три минуты.

Однако, когда тебе почти сорок – до этой даты Рюмину оставалось два с половиной месяца, – становится все труднее выстоять и дожидаться перерыва.

Плечи Рюмина тряслись мелкой дрожью, будто его колотил озноб. Мышцы превратились в горячий пульсирующий кисель. Движения утратили былую точность – совсем немного, но этого хватало, чтобы соперник мог не опасаться острой контратаки.

Рюмин скользил вдоль канатов, качая нечеткий «маятник». Он все чаще уходил на «нижний этаж» и при малейшей возможности пытался войти в клинч, чтобы «повиснуть» на сопернике и отдохнуть.

Противник каждый раз умело разрывал дистанцию и всаживал в голову Рюмина мощную «двойку», а то и – «тройку».

Этих ударов Рюмин не боялся. Его голова болталась на шее свободно, как воздушный шарик на веревочке. Перчатки соперника не встречали неподвижной преграды, мощь ударов выплескивалась в никуда, уходила в атмосферу. Гораздо опаснее был апперкот, но он у противника пока не получался.

Рюмин не видел лица соперника, но внимательно следил за его ногами. Как только партнер чуть-чуть подавался назад, опуская руку для замаха, мощная икра его задней ноги напрягалась, а пятка передней слегка отрывалась от пола.

Для Рюмина это служило сигналом: бей! Тело действовало на «автомате», отрабатывая усвоенные еще в детстве навыки. Не глядя и не поднимаясь из «нижнего этажа», он «заряжал» спину и с небольшим поворотом хлестал в голову противника. Он чувствовал цель, знал, что ориентируется верно... Не хватало четкости. Предательская дрожь в плечах уводила кулак в сторону.

Он напоминал подбитый линкор, огрызающийся редкими залпами на свору наседавших эсминцев. Силы главного калибра еще достаточно, чтобы разнести нападавших в щепки, но... Дальномер разбило осколками, гальванер убит, а комендор напрочь оглох и озверел – от пороховых газов и грохота пальбы. Командир носовой батареи, весь израненный и в крови, маши-

нально проверяет, все ли пуговицы на кителе застегнуты, и поправляет фуражку. Кокарда должна быть строго посередине лба, умирать нужно аккуратным и подтянутым. Огромные снаряды летят в холодную серую пустоту, туда, где свинцовый океан смыкается с таким же свинцовым небом. Разрывы вздымают грязно-желтые столбы плотной соленой воды. Недолет, еще один недолет. Сигнальщик уже приготовил флажки «погибаю, но не сдаюсь», привязал их к лееру, и ждет команды капитана. А командир корабля стоит, не отрываясь от двадцатикратного бинокля с «цейссовской» оптикой, и на губах его играет нехорошая улыбка: печальная гордость пополам с горделивой печалью.

– Брек! – раздался хриплый голос Шелягина.

Ноги соперника прекратили свой легкий танец. Черные «боксерки» с длинными шнурками и кокетливой бахромой исчезли из поля зрения Рюмина.

Он медленно разогнулся. Градины соленого пота скакнули в глаза. Рюмин недоумевающе посмотрел на Шелягина. «Что случилось? Неужели я настолько плох? Почему он не дождался гонга?».

Тренер, секундировавший ему в этом спарринге, снял с шеи белое полотенце, подошел к канатам и вытер Рюмину лицо.

– Шеф разыскивает, – громко, чтобы все слышали, сказал он. И добавил – уже тише, для одного только Рюмина. – Хочет срочно тебя видеть... Живым и невредимым.

Безусловно, это была уважительная причина, чтобы остановить бой. Никто бы не посмел упрекнуть тренера. Завсегдатаи боксерского зала знали, что такое служба. Капитана Рюмина, опера МУРа, разыскивал начальник его отдела. Противник прекрасно это понимал. Бой не закончен. Он просто перенесен. Рю

Рюмин кивком поблагодарил противника, зубами развязал перчатки и поплелся в раздевалку. Снял насквозь мокрую майку, трусы, плавки и встал под душ.

Горячие тугие струи обжигали тело, били по коричневому расколотому кафелю и, закручиваясь, убегали в сток. Душевая наполнилась белыми клубами пара. Рюмин стоял, уперевшись руками в стену, до тех пор, пока мог выдержать. Потом закрутил кран горячей воды и на полную мощность врубил холодную.

Здесь все было, как двадцать и тридцать лет назад. Старые облупившиеся стены, протекающие краны, в туалете, на сливном бачке – треснувшая и заклеенная «скотчем» крышка.

Три минуты – они для всех три минуты. Пот бойцов пахнет одинаково. Неравенство начиналось за дверью, на улице: одни приезжали на новеньких сверкающих иномарках, другие – на подержанных, Рюмин добирался на потрепанной «восьмерке», некоторые и вовсе тащились на метро. Но в раздевалке, душевой и на ринге все были равны. Непреложный закон, покоившийся на прочном фундаменте – крепких подзатыльниках Шелягина.

Никто не знал толком, сколько ему лет. Кто-то говорил – семьдесят, кто-то утверждал, что почти восемьдесят. Это не имело значения – тренер был всегда и, казалось, всегда будет. Он был вечен, как сам бокс.

Наверное, потому и ходили сюда его ученики – погрузневшие, полысевшие, обросшие семьями и проблемами, заматеревшие в чинах и хлебнувшие всякого лиха, – что хотели воочию убедиться: кое-где настоящие мужские ценности остались вечными. Неважно, на чем ты приехал. Надевай перчатки и дуй на ринг: покажи, чего стоишь на самом деле!

Рюмин выключил воду. Ноющая боль немного утихла. Она покрывала тело пятнами; Рюмин чувствовал ее, как дырявую одежду. В некоторых местах мышцы пульсировали, кожа покраснела и вздулась. Через пару часов там будут синяки, но это не то, о чем стоило беспокоиться. Рюмина волновало другое.

Он выдыхался. Все-таки сорок лет – возраст для бокса опасный. Предельный. Хочется сбавить обороты и красиво уйти, но как правильно определить момент, когда уже пора? Даже великие профессионалы не всегда могли это сделать.

– Может, тебе сняться с соревнований? – услышал он голос Шелягина.

Тренер сидел на лавочке. Железный шкаф для одежды скрывал его фигуру.

Рюмин снял с крючка полотенце.

– Что, никаких шансов, Юрий Иванович?

Шелягин встал и подошел к нему.

– Шансы есть. Но их мало. На первенстве общества соберутся молодые сильные ребята. Может, ты и пройдешь первый круг. Может, повезет, и выйдешь в четвертьфинал... Но потом...

Рюмин энергично растирал тело полотенцем. Дешевый турецкий текстиль отказывался впитывать воду, вода скатывалась с материи, словно та была намазана гусиным жиром.

Плоский живот в шашечках мускулов, литые тяжелые плечи, широкая грудь и мощная спина, – это все в активе. В пассиве – утраченная скорость и замедленная реакция. В восемнадцать лет ее было на полный рубль, к сорока осталось, дай Бог, на пятнадцать копеек.

– Не комплексуй, Сережа, – голос Шелягина стал мягким, сочувственным, и Рюмин ненавидел его за это. – Ты – здоровый молодой мужик. Можешь хватать своих убийц и насильников пачками. Ловить пули зубами и сплевывать их в ладонь, как арбузные косточки. Но... На первенстве будут сильные бойцы. Лучше бы тебе сняться из основной группы и заявиться среди ветеранов. Возраст позволяет. Ты подумай.

Рюмин бросил полотенце в сумку и стал одеваться. Черная обтягивающая футболка, черные вельветовые джинсы и черный же, грубой вязки, свитер. Все черное, включая ботинки на рифленой подошве и кожаный френч. Вот только волосы – с обильной проседью, и щетина – словно щеки солью с перцем присыпали.

Он достал из кармана мобильный, взглянул на дисплей. Три неотвеченных вызова, с разницей в пять минут. Все – от шефа, начальника отдела по расследованию убийств, полковника Надточия Андрея Геннадьевича.

«И чего ему так приспичило?» – вяло подумал Рюмин, хотя заранее знал ответ. Зачем мог потребоваться капитан Рюмин воскресным вечером? Не на дискотеку же его собирались пригласить?

– Значит, шансов мало, Юрий Иванович?

– Мало, – подтвердил Шелягин.

– Но они есть?

– Шансы всегда есть, – изрек мудрый тренер.

– И раунды – по две минуты?

– Ну да. Это же – любительские соревнования, – с презрением сказал наставник.

– Отлично! – Рюмин накинул френч, убрал мобильный в карман. – Значит, буду драться!

В основной группе.

Его ответ не расстроил и даже не удивил тренера. Возможно, он ничего другого и не ожидал.

– Ладно, – кивнул Шелягин. – Тренировка во вторник, в шесть. Не опаздывай!

– До свидания, Юрий Иванович.

Рюмин вышел из раздевалки в коридор. Он шел, нащупывая ключи от машины, и думал, что рано списывать себя со счетов. Ну что такое сорок лет? В конце концов, ему пока тридцать девять.

Оптика дальномера немного помутнела, но стволы главного калибра еще не разношены, и пороховой погреб не опустел. Сигнальщик, отложи-ка на время «погибаю, но не сдаюсь». Поднять «атакую»!

А китель... Застегнут на все пуговицы, и кокарда строго посередине лба. Нужно быть готовым. Ко всему.

* * *

...в том числе, и к приказу шефа, звучавшему весьма недвусмысленно: забыть про законный выходной (который все равно, кроме как тренировочным поединком, заполнить нечем) и отправляться «по адресу».

– Что там? – спросил Рюмин, вырulingая со стоянки.

– Рождественская распродажа! – огрызнулся в мобильный обычно благодушный Надточий. Подобный ответ начальника означал крайнюю степень раздражения. – Меня самого выдернули из дома и целый час терзают звонками. Знал бы ты, что за люди звонят – я уже устал вытягиваться во фрунт и кричать «слушаюсь!». Из министерства, из мэрии, из Государственной Думы, – отовсюду. Один Папа Римский что-то запаздывает.

– Может, он скинул эсэмэску? – предположил Рюмин.

– Я проверю, – ответил Надточий. – Как бы там ни было, у районного отдела это дело забрали. Заниматься придется нам. То есть, – уточнил он, – тебе.

– Прекрасная возможность для начала блестящей карьеры! – не удержался Рюмин. – Поверьте, я ее не упущу. Премного вам благодарен.

– Я распорядился, чтобы тело не забирали до твоего прихода, – сказал шеф. – Но ты все же поторопись.

– У меня под педалью – семьдесят пять лошадей. И овса – полный бак. Через пятнадцать минут буду на месте.

Рюмин нажал «отбой» и вдавил акселератор в пол. В воскресенье, в шесть часов вечера, на дорогах не так оживленно. Он должен успеть.

Глава 3

Рюмину пришлось постараться, чтобы втиснуть машину перед подъездом жилого дома на Тимирязевской улице. Путь перегородила белая «Газель» с синими полосами на борту, рядом с ней притулились «шестерка» патрульно-постовой службы и черная «Волга» с голубыми милицмейскими номерами.

«Гости съехались, и праздник идет полным ходом, – подумал капитан. – Не хватает только именинника – задуть свечи на пироге. Можете не расстраиваться, я уже здесь. Приехал отдохнуть».

Он поднялся на шестой этаж. Дверь с табличкой «57» была широко распахнута, в квартиру входили и выходили люди в форме. Рюмин давно уже не мог припомнить такой суеты и неразберихи.

На капитана никто не обращал внимания. Все были заняты своим делом.

Рюмин увидел старшего лейтенанта с папкой из коричневого кожзаменителя под мышкой, подошел к нему и показал служебное удостоверение.

– Наконец-то, – обрадовался старший лейтенант и представился. – Участковый Свиридов. Я введу вас в курс дела.

Он попросил коллег покинуть место происшествия, и его просьба была встречена с пониманием и видимым облегчением. Участковый провел Рюмина через маленькую прихожую и остановился на пороге спальни. Рюмин быстрым взглядом окинул комнату. Сердце наполнилось тоскливой пустотой.

На кровати лежало обнаженное тело девушки. Она была молода и красива, и оттого ее смерть выглядела еще более ужасной.

Белое шелковое белье, пушистый бежевый ковер, стены над изголовьем и платяной шкаф, – все было залито и забрызгано кровью. Изящная шея девушки была неестественно вывернута, и на ней зияла страшная рана, обнажая синеватые хрящевые кольца трахеи.

– Скорее всего, смерть наступила во время полового акта... – стал пояснять Свиридов, но Рюмин перебил.

– Как ее зовут?

Участковый порылся в бумагах.

– Лапина. Оксана Витальевна. Тело обнаружила...

Рюмин поднял руку, призывая его помолчать.

– Лапина... Оксана Витальевна... – медленно повторил он, приближаясь к кровати.

По мере того, как он подходил ближе, взору его открывалась пугающая картина: Рюмин увидел раны на теле девушки. Поперек живота тянулись три неглубоких пореза; три таких же пореза, но расположенных продольно, проходили между белых, словно высеченных из мрамора, грудей.

Опыт подсказывал Рюмину, что девушка погибла около суток назад; тело успело остыть и потерять упругость. Из него ушла жизнь, но даже мертвое, оно было очень красивым.

Капитан осмотрел запястья и щиколотки и не нашел ни синяков, ни следов от веревок. Бесспорно, порезы были нанесены еще при жизни; вокруг ран бурой коркой запеклась кровь. Если бы убийца глумился над трупом, раны были бы бескровными.

– Есть перчатки, лейтенант? – спросил Рюмин.

Тот пожал плечами.

– У меня – нет. Может, у кого из ребят...

– Принеси, пожалуйста, – сказал Рюмин.

Он вышел на середину спальни и опустился на колени. Длинные ворсинки ковра были примяты множеством ботинок. Разобрать, какие из следов принадлежат убийце, не представлялось никакой возможности.

Рюмин покачал головой и встал.

– А это что? – вслух спросил он.

На стене, над изголовьем, кровью была нарисована большая буква «М». Капитан пригляделся. Линии нигде не прерывались и на всем протяжении были одинаковой ширины. Следовательно, тот, кто это начертил, был спокоен.

– ...и чувствовал себя в безопасности, – прошептал Рюмин.

– Что вы сказали? – послышалось над ухом – Рюмин так увлекся, что не заметил, как вернулся участковый.

– Да нет, ничего.

Капитан натянул перчатки, тугие резинки громко щелкнули, охватывая запястья.

– Кем она была? – спросил Рюмин.

– Моделью в одном из агентств, – ответил Свиридов. Он многозначительно поднял палец, показывая в потолок. – Наверняка чья-то пассия...

– Оставим догадки. Ограничимся фактами, – прервал его капитан, не желая развивать эту тему.

Наверное, убитая была чьей-то любовницей. Это было очевидно – иначе Надточия не стали бы вызывать в отдел, а шеф не стал бы разыскивать Рюмина. Но так же очевидно было и другое – кем бы она ни была, девушка не заслуживала такой участи.

В комнату вошел высокий парень в кожаной потертой куртке. В руках он держал профессиональный «Никон». Парень улыбнулся Рюмину, довольно бесцеремонно вышел на середину ковра и начал делать снимки.

Рюмин махнул рукой – все равно следы уже загоптаны, пусть работает.

– Возьми крупным планом порезы и букву на стене, – распорядился капитан.

Парень кивнул.

Рюмин подошел к шкафу. На полированной поверхности виднелись следы порошка для снятия отпечатков. Капитан открыл дверцы.

Одежда, аккуратно висевшая на плечиках, разительно контрастировала с довольно бедной обстановкой квартиры. Платья, костюмы и блузки смотрелись роскошно и явно были сшиты на заказ. По крайней мере, Рюмин не нашел ни одной фабричной этикетки.

Блеск и нищета. Фасад и изнанка. Девушка, носившая дорогие наряды, ютилась в скромной однокомнатной квартире.

– Она здесь прописана? – спросил Рюмин.

– Нет, снимала, – ответил участковый. – Уже два года. А прописана в Тюмени.

– Понятно.

Капитан еще раз осмотрел спальню. Больше здесь делать нечего. Широкая кровать, платяной шкаф, телевизор и компьютер в углу, – вот и вся мебель.

– Ни следов, ни улик, – сказал Рюмин.

– Ошибаетесь, – улыбнулся участковый. – В ванной, на зеркале – отличный отпечаток. Четкий, неразмазанный! Заглядение!

– А ну-ка, – Рюмин, сопровождаемый лейтенантом, направился в ванную комнату.

На зеркале, над раковиной, действительно стоял кровавый след пальца – вызывающий и демонстративный, как и буква «М» над изголовьем.

– Рано или поздно... – сказал Свиридов, потирая ладони.

– Думаю, его нет в картотеке, – остудил его энтузиазм Рюмин.

– А вдруг? – с надеждой спросил лейтенант.

Рюмин махнул рукой. Сейчас его больше интересовала сама ванна.

Капитан отдернул пластиковую занавеску: по ее нижнему краю, то прерываясь, то появляясь вновь, шла бледно-розовая полоса.

– Однако... – сказал он.

– Что-то нашли? – оживился участковый.

Рюмин не отвечал. Он залез в ванну, прижался щекой к стене и пальцем обрисовал на кафеле округлую фигуру.

– В чем дело, капитан? – Свиридова распирало от любопытства.

Он крутился и так, и этак, пытаюсь выяснить, чем занимается Рюмин. Но тот молчал, прикидывая какие-то размеры. Наконец он вылез из ванны.

– Он – высокий, где-то около ста восьмидесяти пяти сантиметров, – сказал Рюмин, снимая перчатки. – Примерно как тот криминалист с фотоаппаратом, – он кивнул в сторону комнаты. – Хладнокровный и расчетливый убийца. Тем более непонятно, почему он оставил знак над кроватью и отпечаток? Как вызов?

– Откуда вы узнали про его рост? – спросил Свиридов.

– Это несложно, – вздохнул Рюмин. – Он убивал ее долго. Сначала резал. Думаю, бритвой – только острая бритва оставляет такие следы. Он держал девушку за горло – поэтому она не могла кричать. А потом – одним взмахом перерезал шею. До самого позвоночника. Удар четкий и сильный, направление раны ровное. Он был весь перепачкан в крови, поэтому помылся перед тем, как уйти – видишь полосу на занавеске? На кафеле вода, высыхая, оставила матовое пятно. Я бы держал душ чуть ниже, значит, он выше меня. Как раз на пять сантиметров.

– Здорово, – сказал участковый. – Может, еще что-нибудь?

– Пока нет, – ответил Рюмин. – Соседей опросили?

– Никто ничего не видел и не слышал.

– Стандартная ситуация. Так кто, говоришь, обнаружил тело?

Свиридов оживился.

– Ее подруга. Тоже модель. Знаете, такая... фигуристая девочка. Чем-то похожа на Жанну Фриске.

Рюмин вымученно улыбнулся.

– Сейчас все хотят быть похожими на Жанну Фриске...

– Она торопилась на какой-то показ. Оставила свою визитку.

Участковый достал из коричневой папки темно-синюю карточку с золотым обрезом.

Рюмин машинально сунул ее в карман.

– Свиридов, у тебя сигареты есть?

В дни тренировок капитан не покупал новую пачку, но сейчас очень хотелось курить.

– Некурящий, – ответил участковый.

– Молодец...

– Сергей, ты где? – послышался знакомый голос.

Рюмин вышел в прихожую и увидел Юрия Быстрова. Сегодня он был дежурным экспертом на Петровке, и капитан мысленно поблагодарил судьбу за эту маленькую милость. Быстров всегда работал очень тщательно, не упуская ни одной мелочи.

– Я вижу, машина твоя стоит, – сказал Быстров, пожимая Рюмину руку. – Ну, думаю, наконец-то. Сподобился. Ты все осмотрел?

– Да, пожалуй, – ответил капитан. – А ты?

– Здрасьте! – Юрий хлопнул себя по ляжкам. – Я эту поляну давно уже отработал – даже взял образцы пыли под кроватью. А тебя все нет и нет. Решил сходить за пищей. Ночь впереди, а у меня живот подвело. Пора возвращаться на базу. Что скажешь?

– Пора, – подтвердил Рюмин и повернулся к участковому. – На всякий случай... Пусть ваш эксперт пришлет копии снимков.

– Обижаешь, Сергей, – покачал головой Быстров. – Я устроил такую фотосессию...

Он не успел договорить. Участковый изумленно уставился на Рюмина.

– Какой наш эксперт?

В душу капитана закралось нехорошее предчувствие.

– Парень с «Никоном»? Высокий, с темно-каштановыми волосами, зачесанными назад, в потертой куртке... Я еще сказал, что он такого же роста, как убийца? Это же – ваш эксперт?

– Нет, – ответил участковый.

– Тогда какого черта он здесь делал?

– Я думал, он – ваш.

Рюмин бросился в комнату. Там никого не было. Капитан выбежал на лестницу и замер. Тихо. Ни звука шагов, ни шума лифта.

Никаких следов парня в потертой кожаной куртке.

«Отличное начало, капитан! – подумал Рюмин. – Фаворит вышел на ринг и тут же получил в лоб! «Шел бы ты домой, мальчик», – ласково сказал рефери и не стал открывать счет. Господи, неужели я настолько старый?».

– Сергей! – встревоженно сказал Быстров. – Что-то случилось?

– Ничего особенного, – ответил Рюмин. – Обычный бардак. Утешает только одно – я в нем главный.

Не дожидаясь лифта, он стал быстро, перепрыгивая через две ступеньки, спускаться по лестнице. Курить хотелось нестерпимо.

Глава 4

Рудаков отдернул белоснежный манжет рубашки из тончайшего батиста, украшенный настоящим фригийским кружевом, и посмотрел на часы. Элегантный платиновый корпус был инкрустирован черными бриллиантами, браслет из белого золота сам по себе являлся произведением искусства. Эксклюзив от «Картье», штучная работа. Знак принадлежности к касте избранных.

Но сейчас часы интересовали его не как символ собственной элитарности, а просто как часы – механизм, способный отмечать неумолимый ход времени. Для него время пока шло, а для Ингрид (Рудаков поймал себя на мысли, что привык называть ее не настоящим именем, а сценическим псевдонимом) – уже остановилось.

Половина восьмого. Скоро начнут собираться гости, и он должен принять их достойно. Что бы ни случилось, шоу продолжается. Это – закон.

– Михаил Наумович!

Рудаков резко повернулся к ассистентке – смешной веснушчатой коротышке, одетой в костюм паж из голубого атласа.

– Что?

– Михаил Наумович, не пора ли надеть жилет и парик?

– Мне и так жарко!

Он с отвращением посмотрел на жилет из тяжелого алого бархата, расшитый золотыми нитями. Вечером на улице было прохладно, но Рудаков этого не чувствовал. Напротив, он отчаянно потел. Если бы не инъекции «ботокса», сделанные в подмышечные впадины, на рубашке давно бы уже проступили широкие влажные круги.

– Лучше вытри! – Михаил нагнулся, чтобы коротышка могла дотянуться и при этом – не размазала тон, наложенный на лицо.

Ассистентка быстро переложила парик в другую руку, достала сухую бумажную салфетку и промокнула голову, покрытую короткими рыжими волосами. Аккуратно вытерла мощный багровый затылок Михаила и убрала салфетку в карман.

– Фу-у-у!

От мысли, что ему предстоит еще натянуть на себя парик, Рудакова передернуло. «Мозги закипят. Сварятся к чертовой матери!».

– Что с фонтаном? – спросил он.

– Техник говорит – все готово. Подсветка работает. Он ждет вашего сигнала.

– Как девочки?

– Одеваются.

– Я хочу на них посмотреть, – Рудаков развернулся и направился к желтому двухэтажному зданию. Под ногами скрипела розовая гранитная крошка. Ассистентка еле поспевала за боссом.

Михаил прошел по аллее, затененной вековыми раскидистыми дубами, и оказался на площадке, где был разбит цветник. Здесь стояли четыре бронзовые статуи, символизирующие времена года.

Раньше эти статуи Рудакову нравились. Сегодня они выглядели омерзительно – особенно изогнувшийся старик, изображающий зиму.

– Как бы их... – он нетерпеливо пощелкал пальцами, – убрать, что ли?

Ассистентка в ужасе округлила глаза.

– Это невозможно, Михаил Наумович! Архитектурно-парковый ансамбль является памятником культуры и охраняется государством...

– Да знаю я! – он отмахнулся и размашистым шагом двинулся дальше, приказав себе смотреть только вперед, и ни в коем случае – на бронзовых истуканов.

От цветника к дворцу вела короткая мраморная лестница. По обе стороны от нее, как и положено, лежали величественные львы.

Рудаков взбежал по лестнице и оказался перед круглой малахитовой чашей фонтана. От воды исходила спасительная прохлада, и Михаил задержался здесь на несколько секунд.

Он считал, что место для очередного показа выбрано удачно.

Когда-то на месте главного корпуса Тимирязевской академии стоял загородный дворец вельможного графа Кирилы Разумовского, фаворита Елизаветы Петровны. Через лесопарк академии до сих пор проходит мощеная булыжником дорога, по которой императрица ездил из своего путевого дворца, бывшей академии имени Жуковского, на свидания с красавцем-графом.

Сам дворец Разумовского в первоначальном виде не сохранился. В конце 19-го века он был перестроен и стал центром архитектурно-паркового ансамбля «Петровско-Разумовское», одновременно – главным корпусом Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Фасад здания, выкрашенный в красный цвет, «играл роль» вокзала в телесериале «Есенин». Здесь же Грин с товарищами из «Статского советника» осуществляли свой дерзкий «экс».

Та сторона, что выходит на парк, покрашена желтым и памятна зрителям по телесериалам «Графиня де Монсоро», «Бедная Настя» и еще какому-то, названия которого Рудаков не мог припомнить. Да и ледяная крепость (из того же «Статского советника») была построена не у стен Новодевичьего монастыря, как в романе Акунина, а на месте цветника с ненавистными Михаилу статуями.

Рудаков хозяйским взором окинул пространство вокруг фонтана. Тяжелые дубовые столы в виде большой буквы «П» окаймляли невысокий подиум. Края хрустко накрахмаленных скатертей едва не касались земли. В серебряных ведерках стыли бутылки благородного шампанского. В заиндевевших хрустальных графинчиках стояла водка. Закуски, поражающие вычурностью и разнообразием, лежали на огромных тарелках из толстого фарфора. Официанты, наряженные в костюмы елизаветинской эпохи, ожидали приказа Михаила – явить миру гастрономическое великолепие.

Это была его идея – воссоздать атмосферу «галантного века». В качестве возможных вариантов исторических декораций рассматривались Архангельское, Царицыно и Кусково. На практике оказалось, что удобнее всего устроить показ в Петровско-Разумовском: ближе к центру, цветовая гамма отлично перекликается с основной темой коллекции, да и стоимость аренды ниже.

Было еще одно обстоятельство, заставившее сделать выбор в пользу Петровско-Разумовского. В старинном парке, среди вечнозеленых туй и ветвистых дубов, по аккуратным дорожкам, усыпанным толченым малахитом и розовым гранитом, они с Ингрид очень любили гулять... Когда-то...

Рудаков посмотрел на дворец. Оранжевые отблески заходящего солнца играли на желтых стенах и многократно отражались в выпуклых оконных стеклах, отлитых в виде полусфер.

Слева от крыльца возвышалось огромное белое полотнище с нарисованной буквой «М» – логотипом модельного агентства «Модус», принадлежащего Рудакову. Оттуда, по замыслу режиссера, должны были появляться модели в роскошных платьях, стилизованных под старину.

Рудаков задержал взгляд на букве «М»; проследил каждый изгиб плавных линий. Щека его дернулась, как от нервного тика. Он невольно поднес руку к лицу и тут же услышал встревоженный голос ассистентки.

– Михаил Наумович! Тон!

Рудаков потрянул головой. «Да будь ты все проклято! Тон!». Он затравленно озирался, подыскивая, на ком бы сорвать неожиданно нахлынувшую злость.

– Что они сидят без дела? – крикнул он, кивнув в сторону камерного струнного квинтета. – Пусть играют!

Музыканты, облаченные в парадные ливреи, взмахнули смычками, и воздух наполнился чарующими звуками Вивальди.

Рудаков взбежал на крыльцо и вошел во дворец. Лестница, ведущая на второй этаж, была перекрыта. Гости, пройдя через главный вход, должны были напрямик через здание попадать в парк. Вдоль стен длинными рядами стояли вешалки с черными плащами и бархатными масками – на случай, если кто-нибудь захочет поучаствовать в маскараде.

Михаил, не доходя несколько шагов до противоположных дверей, ведущих на Тимирязевскую улицу, свернул налево, в боковой коридор. За его спиной дробно стучали каблучки – коротышке-ассистентке приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не отстать от босса.

Рудаков внезапно остановился и посмотрел на нее.

– Куда ты идешь? – спросил он своего верного паж.

Ассистентка опешила.

– За вами...

– И в туалет тоже? Хочешь поддержать?

Коротышка отступила назад. На глаза ее навернулись слезы.

– Нет, конечно. Я подожду вас здесь.

Рудаков молча кивнул, вошел в туалет и бросился в ближайшую кабинку. Его вырвало.

Он умылся над раковиной и потом долго стоял, разглядывая свое отражение в помутневшем зеркале. Круглое, немного обрюзгшее лицо, короткая рыжая бородка-эспаньолка, бегающие глаза с проступившими красными сосудами.

– Ингрид... – прошептал он и припечатал к зеркалу большой палец – так сильно, словно хотел выдавить собственному отражению глаз.

Рука скользнула под рубашку – туда, где на золотой цепочке висел покрытый изящной филигранью золотой цилиндрик. Рудаков открутил крышку, высыпал на тыльную сторону ладони немного белого порошка и забил им ноздри.

В носу засвербило. Он едва удержался, чтобы не чихнуть. Через несколько секунд стало легче. Он даже не рассердился, когда раздался осторожный стук в дверь, и послышался голос ассистентки.

– Михаил Наумович, уже пора! Без десяти восемь!

Рудаков рассмеялся. Все это казалось смешным. Откровенно идиотским: и батистовая рубашка, и бархатный жилет, и густой парик из натуральных волос, и дворец с выкрашенными в разные цвета стенами. Жизнь и ее изнанка. Время и небытие. Реальность прогулок, которые уже не вернуть и никогда не повторить, и нереальность бронзового старика, зябко дрожащего от холода.

– Ты знаешь, что-то случилось с этим миром, – сказал он ассистентке, появившись на пороге туалетной комнаты. Хитро подмигнул и улыбнулся. – По-моему, он просто треснул пополам!

Глава 5

Выйдя из подъезда, Рюмин первым делом направился к ближайшему ларьку за сигаретами. Купил пачку «Мальборо», сорвал фольгу и с наслаждением закурил.

План первоочередных оперативных мероприятий был для капитана очевиден. Отпечатки пальцев, следы ботинок, образцы тканей, волокна одежды, – все это хорошо. Но ведь преступления совершают люди. И хотя они иногда больше похожи на зверей, сути это не меняет. У каждого преступника есть свой план, или мотив, или даже – неосознанный порыв, побудивший совершить злодеяние.

Главное – разобраться в запутанном хитросплетении человеческих взаимоотношений, понять суть конфликта, для которого не нашлось иного решения, кроме как убийство.

Рюмин достал темно-синюю визитку с золотым обрезом. На ней значилось «Этель» и номер телефона. Больше ничего.

Капитан набрал номер. Ответа пришлось ждать недолго. После третьего гудка грудной и немного гнусавый женский голос произнес:

– Да! Слушаю!

– Здравствуйте, Этель! Капитан Рюмин из уголовного розыска. Скажите, где бы мы могли с вами встретиться и поговорить?

Собеседница шмыгнула носом: так явственно и громко, что аура таинственного и холодного имени – Этель – сразу померкла.

– Я на работе... – после паузы сказала девушка. – У нас сегодня показ, а потом... – она снова замолчала.

– Мне бы не хотелось откладывать наш разговор, – с мягким нажимом сказал Рюмин. – Где вы находитесь?

– Где? – капитан уловил некоторую растерянность. – Петровско-Разумовское... Тимирязевская академия... Только... Послушайте, как вы сказали, ваша фамилия? Вас все равно сюда не пустят.

– Спасибо, Этель. Я найду вас, – Рюмин положил трубку.

От дома убитой до Тимирязевской академии было пять минут езды. Четыре светофора. Совсем близко. К тому же, Рюмин превосходно знал этот район – он жил неподалеку, на Войковской.

Капитан сел в машину, завел двигатель. Ему не давал покоя высокий парень в потертой кожаной куртке. Кто он такой и что делал на месте преступления? Зачем ему понадобились снимки убитой девушки?

Все это выглядело странно, и Рюмин пока не мог найти внятного объяснения. Капитан решил отложить эту проблему на потом, а сейчас он шел по горячему следу – если, конечно, можно назвать горячим след, взятый почти через сутки после убийства.

* * *

Перед главным корпусом академии рядами стояли дорогие машины. «Ауди», «Мерседесы» и «БМВ» выглядели скучно и чересчур казенно. Обладание таким автомобилем говорило о совершенно заурядной (по меркам московской элиты, отчаянно бившейся над решением главного вопроса: куда девать шальные деньги?) толщине кошелька, дурном вкусе и полном отсутствии фантазии.

Картину оживляли «Майбах» загадочного цвета, названия которому пока не существовало в русском языке, мускулистый «Бентли», рокотавший мощным выхлопом, и широкий, как трехспальная кровать, «Бугатти».

Рюмин не стал останавливаться. Он медленно проехал дальше, в сторону Академических прудов, профессионально «сканируя» обстановку. Наметанный глаз сразу выделил охранников – спортивного вида ребят в строгих костюмах и белых рубашках. Двое стояли рядом с нижней ступенькой крыльца, еще двое – на верхней, перед дверями.

В конце улицы капитан повернул направо и, обогнув институтские здания, снова оказался напротив главного корпуса. Он припарковал «восьмерку» невдалеке от бюста Тимирязева, перебежал дорогу и подошел к крыльцу.

Прикидываться одним из приглашенных не имело смысла: во-первых, кожаный френч и черные вельветовые брюки никак не тянули на парадный наряд богача, а, во-вторых, внешность и повадка Рюмина с головой выдавали род его занятий.

Капитан решил действовать по-другому. Он отвел в сторонку ближнего охранника, быстро показал обложку милицейского удостоверения и выразительно похлопал по подмышке.

– Все нормально? – спросил он, не дожидаясь расспросов «секьюрити». – Я не опоздал?

Тот недоверчиво посмотрел на Рюмина и уже собирался что-то сказать, но опер перебил его:

– Нет-нет-нет! Ваши проблемы меня не волнуют. Мое дело – наружный периметр, за остальное я не отвечаю. – Рюмин одернул френч и веско добавил. – Своей работы хватает. Ладно, – он снисходительно потрепал охранника по плечу. – Пойду, проверю забор.

Парк был обнесен высокой чугунной оградой. Перемахнуть ее не составляло особого труда, но это ничего бы не дало: по дорожкам парка прогуливались секьюрити и зорко следили за происходящим. Ссориться с ними в планы Рюмина не входило. Он надеялся найти другой выход. Точнее, вход.

Выждав несколько минут, он быстрым шагом, почти бегом, вернулся к главному крыльцу. Рюмин прижимал к уху сотовый телефон и вел себя как человек, получивший срочное и не очень хорошее известие.

– Тихо, ребята! Не шумите! – закричал капитан. – Без паники!

До сих пор никакой паники не было и в помине, но она тут же возникла. Вокруг очередного гостя, только что выбравшегося из кожаного чрева «шестисотого», сгрудились телохранители и стали напряженно озираться, выискивая возможную опасность.

Рюмин взбежал на крыльцо.

– Срочно свяжись с тем, кто стоит на входе в парк со стороны полиграфического института! Узнай, он видел двух людей в черных вязаных шапочках?

Если у охранника еще оставались сомнения, то после упоминания о черных вязаных шапочках они моментально исчезли. Каких-нибудь пять лет назад молодой человек в черной вязаной шапочке был главным героем всех криминальных хроник. Встреча с ним означала появление в теле энного количества дополнительных дырочек диаметром девять миллиметров.

Секьюрити поднес к лицу микрофон, спрятанный в рукаве пиджака, и стал что-то тихо говорить.

Рюмин тоже не молчал.

– Грот мы проверяли! – кричал он в трубку. – И вчера вечером, и сегодня утром, и час назад! Нет, там закладки быть не может! Голову на отсечение даю!

Охранники переглянулись: судя по всему, этот мент был хорошо знаком с географией парка.

– Трансформаторная будка! – уверенно заявил Рюмин. – Они там! Что? – капитана перекосило, как от зубной боли. – С какой стати? – он развернулся и стал спускаться с крыльца. –

Я не пойду! Нет, наружный периметр, и все. Тут и без меня бойцов хватает, – Рюмин ткнул большим пальцем через плечо, показывая на четверых секьюрити.

Охранники переглянулись. Их лица выражали твердую решимость оставаться на месте и доблестно охранять главный вход. Бегать по парку и искать трансформаторную будку – занятие скучное и, в общем-то, недостойное звания настоящего секьюрити.

Тем временем телохранители затолкали высокопоставленного гостя обратно в «шестисотый»; примчался «Гелендваген» сопровождения, и кортеж под вой сирен улетел в ясную вечернюю даль.

– Ну ладно, хорошо, – нехотя сказал Рюмин и остановился. Оторвал телефон от уха и прижал к груди. – Где ваш старший?

– У того выхода, – ответил охранник. – Рядом с фонтаном.

– Стойте здесь и делайте вид, будто ничего не произошло. Главное – без паники! – назидательно сказал Рюмин и снова поднес мобильный к уху. – Доложите обстановку!

– Уважаемый абонент! Баланс вашего счета составляет один доллар США и пятьдесят девять центов, – в шестой раз повторил механический голос.

– Понял! – кивнул капитан. – Я вхожу. Без меня ничего не предпринимайте.

Охранник открыл перед ним дверь. Рюмин сокрушенно покачал головой.

– Ничего не поделаешь. Служба!

* * *

Миновав первый кордон, Рюмин столкнулся с новым препятствием. Снаружи, у выхода из дворца в парк, стояли еще четверо ребят с короткими стрижками и в строгих костюмах.

Путь в боковые коридоры закрывали бутафорские щиты, удачно имитировавшие мрамор, которым были отделаны внутренние стены дворца. Дорога на лестницу была перекрыта.

Капитан понял, что оказался в мышеловке. В запасе оставалось несколько секунд. Потом его невинная шалость раскроется, и тогда останется лишь уповать на наличие у охраны здорового чувства юмора. В этом Рюмин почему-то сомневался. Шутку про вязаные шапочки ему не простят.

Решение пришло мгновенно. Капитан увидел две длинные вешалки. Убедившись, что на него никто не смотрит, Рюмин скользнул за ту, что стояла справа, и через несколько секунд появился вновь, совершенно изменившийся. Теперь он напоминал Антонио Бандераса в роли Зорро: на лице – бархатная полумаска с прорезями для глаз и длинный, до пят, черный плащ с шелковой подкладкой.

Придав походке неспешность, а осанке – величественность, Рюмин прошествовал мимо охранников, едва удостоив их небрежным кивком.

Он ступил на дорожку, посыпанную гранитной крошкой, и в этот момент струнный квинтет грянул что-то бравурное. Лениво извергавшийся фонтан ударил в небо; серебряные брызги засверкали, подсвеченные разноцветными софитами.

Огромное белое полотнище, от которого начинался подиум, озарилось оранжевым светом, затем – голубым, потом – бледно-зеленым. Из-за него вышел высокий плотный человек в напудренном парике. Пышные букли не позволяли разобрать черты лица, но Рюмин хорошо видел короткую рыжую эспаньолку. Мужчина был одет в белую свободную рубашку с длинными манжетами и расшитый золотом жилет из алого бархата. Он поклонился, приветствуя собравшихся, и трижды хлопнул в ладоши, после чего направился к столам, за которыми сидели гости.

Камерный оркестр заиграл новую мелодию. Из-за полотнища появилась девушка в голубом платье с глубоким декольте и пышными кринолинами. На талии, чуть сбоку, красовалась табличка с номером «1».

Рюмин заметил, как один из гостей (здесь почему-то были одни мужчины, и все, как на подбор, немолодые, но отчаянно молодившиеся) поднял лежавшую перед ним табличку с «единицей» и бросил на стол несколько фишек, как в казино. Человек в бархатном жилете (Рюмин мысленно окрестил его «распорядителем»), прохаживавшийся за спинами гостей, удовлетворенно кивнул.

Девушка дошла до конца подиума и развернулась. Капитан с удивлением увидел, что задняя часть платья отсутствует напрочь; одни лишь тонкие тесемки, перекрещивающиеся на спине, и голубая атласная лента, стягивающая талию. На модели не было даже белья. Негромкий вздох одобрения, пробежавший над столом, свидетельствовал, что гости по достоинству оценили длинные стройные ноги и упругие ягодички девушки. Еще один мужчина поднял табличку с «единицей» и бросил фишки, и его кучка была ощутимо больше, чем у первого.

«Черт возьми! – подумал Рюмин. – Как приятно оказаться в компании истинных ценителей!».

Первую модель сменила другая, в алом платье. Точнее, в полуплатье – все повторилось, только ставки на сей раз были больше.

Девушки восхищались идеальными фигурами и нежной кожей; платья поражали изысканностью силуэтов, отменно подобранными тканями и роскошью отдельных деталей; но Рюмина не покидало чувство гадливости, словно он наступил на тухлую жабу. Негромкий стук фишек вызывал тошноту.

Впрочем, у капитана не было времени размышлять о происходящем. Гораздо больше его занимала буква «М», выведенная на полотнище. «Знакомый узорчик! Я уже видел подобное – над кроватью убитой!».

Ему нужно было срочно поговорить с Этель. Рюмин догадывался, что означают ее слова, сказанные по телефону: «У нас сегодня показ, а потом...». Капитан медленно пошел вдоль стены в сторону полотнища.

Он искал девушку, похожую на Жанну Фриске.

* * *

Появление за кулисами незнакомца в маске и плаще никого не испугало и даже не удивило. Здесь царила деловитая суета.

Некто неопределенного пола, с выбеленными прядями и кокетливым чубчиком, помогал моделям одеваться. Обнаженные девушки стояли перед ним в ряд, с платьями в руках, терпеливо дожидаясь своей очереди.

Бесполое существо не церемонилось. Оно щипало девушек за соски, хлопало по ягодичкам, ругалось, называя всех «коровами» и «толстухами». Модели покорно сносили издевательства: то ли потому, что уже привыкли, то ли – потому, что существо при этом ухитрялось быстро и здорово делать свою работу.

Перед ним стоял столик, заваленный различными тенями, гильзами помады, тюбиками туши и прочими штучками, о названиях и предназначении которых Рюмин даже не догадывался.

Два-три взмаха кисточкой, уверенное движение помадой, короткая струйка лака с блестками, – и девушка преобразалась. По мнению Рюмина, не всегда в лучшую сторону, но он подумал, что может чего-то и не понимать. Затем модель продевала руки в рукава платья; беспольный, шлепая и щипая ее, затягивал на спине тесемки и напутствовал тягучим: «Иди уж, уродина!».

Увидев Рюмина, существо завопило от восторга:

– Девочки, к нам гость! Ах, как бедному мальчику не терпится! Ты такой страстный, красавчик? Девочки, не стесняйтесь! Покажите ему свое оборудование!

Пораженный обилием прекрасных женских тел, Рюмин долго не мог понять, кто же из моделей похож на Жанну Фриске – взгляд упорно отказывался фокусироваться на лицах.

– Ну что? Тебе нравится? – тараторил «чубчик». – Одни коровы! Я гораздо лучше, правда? – он задрал блузку, покрытую блестками, и показал гладкий безволосый живот. В пупке было продето золотое колечко. – Я – Владик, а ты кто, красавчик?

Если бы среди гомофобов проводились соревнования, то Рюмин, может быть, и не занял первое место, но уж «бронзу» точно бы заслужил. Добровольный отказ и глумление над мужским началом, которое мало получить от рождения, но и нужно постоянно доказывать своими поступками, приводили его в бешенство. Пресловутая «толерантность», превозносимая как одно из главных завоеваний демократии, имела у капитана очень узкие рамки. Настолько узкие, что Владик туда никак не вписывался.

– А я – Рюмин, дитя мое, – ответил опер. – Капитан королевских мушкетеров.

Он снял маску, и Владик заныл от умиления.

– Какой брутальный типаж! Эти рассеченные бровки! Этот сломанный носик! А уж щетинка-то какова! Мачо, настоящий мачо!

– Замолчи, педик! – сказал Рюмин, подходя ближе. – Мне нужна Этель.

Владик взмахнул кисточкой, обдав капитана облаком розовой пудры.

– Этель – вон та жирная сучка, – Владик сложил в трубочку надутые силиконом губы. – Скажи еще что-нибудь, грубиян, я люблю, когда меня обижают.

Стилист говорил, но руки его не останавливались ни на секунду. Надо было отдать ему должное – работал он профессионально, а Рюмин умел ценить профессионализм. Хорошее качество.

– В другой раз, – сказал капитан.

Владик, не отрываясь от работы, достал визитку и сунул Рюмину. Откуда он ее взял – это осталось для капитана загадкой; обтягивающие брючки стилиста не имели карманов.

Опер подошел к модели, стоявшей предпоследней. Она действительно была похожа на Жанну Фриске. Умело наложенный макияж всячески подчеркивал сходство, однако не мог полностью скрыть красные заплаканные глаза и немного припухший нос.

– Здравствуйте, Этель! Капитан Рюмин. Это я вам звонил.

– Да, я поняла, – нервно озираясь, ответила девушка. – Как вам удалось пройти?

– Я просто вошел, и все. Давайте лучше о деле. Это вы нашли тело Оксаны Лапиной?

Девушка взмахнула длинными густыми ресницами. На глазах ее появились слезы.

– Ингрид? – спросила она. – Да... Я... Сейчас, одну минуточку, а то тушь потечет, – она подняла голову, уставившись в небо.

Рюмин тем временем разглядывал ее тело. Рельефно очерченные мышцы проступали на тонкой шее. Небольшая аккуратная грудь имела совершенную форму. Волосы на лобке были выбриты в виде стрелочки, направленной острием вниз. На бедре красовалась причудливая бабочка с разноцветными крыльями.

Этель шмыгнула носом и опустила глаза. Она, безусловно, видела, куда устремлен взгляд Рюмина, но никак не отреагировала. К собственной наготы здесь относились равнодушно, считая ее одним из сценических нарядов.

– Отличная у вас татуировка! – похвалил капитан. – Так во сколько это произошло?

– Примерно в половину шестого. Я заехала за ней, стала звонить... Ингрид не отвечала. Тогда я вошла... Ох! – девушка снова устремила взгляд в небесную высь.

– Дверь была открыта? – спросил Рюмин.

– Нет, я открыла ее сама.

– У вас есть ключ? Вы были подругами?

– Подругами?! – Этель усмехнулась. – Ну, если это можно так назвать...

– Подождите, – в голове у Рюмина что-то не укладывалось. – Если вы не были близкими подругами, откуда у вас взялся ключ?

За разговором они незаметно подошли к столику. Капитан почувствовал, как кто-то нежно коснулся его бедра. Рюмин посмотрел на стилиста. Ответом была шаловливая улыбка.

– Мне не до смеха, – строго сказал опер. – Смотри, посажу тебя за попытку изнасилования. Должностного лица и при исполнении!

– Обожаю наручники! – завизжал Владик.

Он помог девушке надеть платье и, оперевшись коленом в ее поясницу, туго стянул тесемки.

– И что он в тебе нашел? – ревниво сказал стилист.

– Полегче, ты... – осадил его Рюмин и запнулся.

Что можно было добавить? «Девочки, не ссорьтесь!»?

– Так откуда у вас взялся ключ? – повторил он.

– Он мне его дал! – ответила модель, показывая куда-то за полотнище, в сторону накрытых столов.

– Кто?

Камерный оркестр, основательно перетряхнув творчество Вивальди, принялся за Моцарта. Едва слышав первые такты «Маленькой ночной серенады», Этель подобрала кринолины и вспорхнула на подиум. Вопрос капитана повис в воздухе подобно облаку пудры.

– Я знаю, кто, – внезапно сказал Владик.

– Кто?

– Скажу, если дашь мне потрогать свою щетинку! – улыбнулся стилист.

– Ребята, – покачиваясь с пятки на носок, сказал опер, – вы тут все немного не в себе, да? Я расследую убийство. Убили вашу подругу...

– Здесь нет подруг и нет друзей, – перебил его стилист. На этот раз голос его звучал абсолютно серьезно. – Здесь ни у кого нет подруг и друзей.

– Кто же тогда есть? – поинтересовался Рюмин.

– Есть сладкие и есть гадкие. Ты можешь сегодня быть сладким, а завтра – гадким. И наоборот. Ингрид была гадкой.

– Почему?

– Она ходила без номера.

– То есть? – не понял Рюмин.

– На нее не делали ставки, – пояснил Владик. – Ей не надо было после показа ехать с противными стариками. Другим девочкам это не нравилось.

– Значит, она находилась на особом положении?

Стилист с жалостью посмотрел на Рюмина. Так смотрят на безнадежно больных. Или – непроходимых тупиц.

– Она была Мишиной любовницей, сладкий.

– Спасибо, что не гадкий, – пробормотал Рюмин.

Этель, совершив тур по подиуму, вернулась за кулисы. Она подошла к капитану, повернулась спиной и резко бросила:

– Помогите!

– Мы остановились на том, что ключ вам дал... – напомнил Рюмин, развязывая тесемки.

– Миша. Михаил Рудаков, наш хозяин, – со злостью сказала девушка.

– Любовник убитой Лапиной? – уточнил капитан.

– Что, уже сообщили по телевизору? – Этель скинула платье, ловко поддела его на плечики и повесила на вешалку.

Девушка снова осталась обнаженной, и Рюмин отвел глаза. В этой бессовестной и нарочитой наготе была какая-то отталкивающая чрезмерность. Ей не хватало волнения и загадки. Полуплатья выглядели лучше, чем полное их отсутствие.

– У меня есть свои источники, – сказал Рюмин.

– Понятно, – кивнула Этель. – Только эта информация уже устарела. Ингрид ушла от него и собиралась вскоре совсем слиться из агентства.

– Они поссорились? Из-за чего?

– Сколько можно встречаться с женатым мужчиной? – скривилась Этель. – Когда-то надо поставить точку.

Откровенно говоря, Рюмин вообще не видел смысла в том, чтобы встречаться с женатым мужчиной, но говорить об этом не стал – едва ли Этель нуждалась в его консультациях по вопросам семьи и брака.

– У Ингрид заканчивался контракт, – сказала девушка. – Продлевать его она не хотела. А Миша не хотел ее отпускать, вот и бесился. Последнюю неделю они даже не разговаривали.

– Поэтому Рудаков, вместо того, чтобы заехать самому, попросил об этом вас? Я правильно понял?

– Да, – Этель сняла с вешалки другое платье, с павлиньими перьями.

– И настоял на том, чтобы вы взяли ключ?

– Ну конечно. Он сказал, что Ингрид может не захотеть поехать на показ и вообще не открыть дверь.

– Он так был в этом уверен? – спросил капитан. – Что она не откроет дверь?

Этель замерла. Платье выскользнуло из рук, и, если бы Рюмин вовремя его не подхватил, непременно упало бы на пол.

Густой слой тонального крема и пудры не мог скрыть внезапную бледность, залившую лицо модели.

– Я этого не говорила, – помертвевшими губами пробормотала девушка. – Он просто дал мне ключ... На всякий случай...

Рюмин взял ее за локоть.

– Что вы сделали, обнаружив труп?

– Я... закричала... – прошептала Этель.

– А потом? – не отступал капитан. – Позвонили в милицию?

– Нет. Ему. Михаилу. Он сказал, что все уладит...

– Вот как? Хотел бы я знать, что он имел в виду, – Рюмин отдал девушке платье. – Спасибо, Этель. Если мне еще что-нибудь потребуется, я позвоню. Не возражаете? – он повернулся, собираясь уходить.

Внезапно за кулисами стало тихо. Суэта прекратилась, и даже бодрое верещание Владика смолкло. На фоне полотнища возникла огромная тень; затем она исчезла, и в сопровождении четырех охранников появился высокий плотный мужчина, одетый в белую рубашку и алый бархатный жилет.

Мужчина комкал в руках густой напудренный парик. По его низкому бугристому лбу и красным щекам катились крупные капли пота.

Он подскочил к Рюмину и, не скрывая раздражения, спросил:

– Что вы здесь делаете?

Охранники молча взяли капитана в плотное кольцо и застыли, внимательно наблюдая за каждым его движением.

– Капитан Рюмин. Московский уголовный розыск, – спокойно представился опер. – Я расследую убийство Оксаны Лапиной.

– Зачем потребовалось ломать идиотскую комедию на входе? – почти выкрикнул мужчина. – Это – частная вечеринка!

– Проблемы с почтой, – развел руками Рюмин. – Мое приглашение где-то затерялось. Мужчина мрачно уставился на капитана.

– Если ты надеешься меня развеселить, то зря стараешься. Я моментально теряю чувство юмора, когда кто-то сует нос в мои дела.

– Вы ведь – господин Рудаков? – спросил Рюмин.

– Он самый, – подтвердил здоровяк, обмахиваясь париком.

– Убитая девушка работала у вас, не так ли? – продолжал капитан.

– Да.

– Так вот. Отныне, господин Рудаков, ваши дела для меня не чужие. И они меня очень интересуют.

Рудаков на мгновение опешил. Потом кивнул охранникам и прошипел:

– Уберите его отсюда!

Секьюрити, дожидавшиеся команды «фас!», одновременно сделали шаг вперед, стискивая кольцо.

– Что случилось, маэстро? – улыбнулся Рюмин. – Почему вы так негостеприимны? Может, все дело в том, что у меня нет фишек?

Рудаков вздрогнул. Он окинул капитана оценивающим взглядом, потом посмотрел на Этель. Девушка прижала к груди платье, втянула голову в плечи и поспешно пошла к столику стилиста.

– Стой! – рявкнул Рудаков и схватил ее за руку. – О чем ты с ним болтала?

– Ни о чем, – пролепетала перепуганная Этель. – Он спрашивал про Ингрид...

– Я же тебе ясно сказал: не чеши своим длинным языком! Отправляй всех ко мне! Ты что, не поняла? Безмозглая курица!

Он поднял широкую мясистую ладонь. Девушка издала короткий вскрик и покорно закрыла глаза, даже не пытаясь защищаться. Рудаков с размаху ударил ее по лицу. Голова девушки обреченно дернулась, на щеке остался красный след от растопыренной пятерни.

Рюмину показалось, что он слышит громкий отчетливый звук. «Именно так лопаются терпение, – подумал он. – И, что бы потом ни говорили, видит Бог, я не виноват!». Рука с расплюснутыми костяшками сама собой сложилась в кулак.

Капитан ловко увернулся от ближайшего охранника, пытавшегося схватить его, присел и, пружинисто разогнув ноги, метнулся вперед. Удар левой «на скачке». Продвинутая техника бокса. Спасибо Шелягину, заставлявшему по много часов колотить в грушу, оттачивая каждый элемент.

На сей раз удар был точным, и мышцы не подвели. Кулак с хрустом впечатался в лицо Рудакова – где-то рядом с ухом. «Распорядитель» охнул и с грохотом рухнул, как телеграфный столб, разнеся вдребезги столик стилиста.

Владик радостно захолопал в ладоши:

– Какой мужчина! Боже мой, какой мужчина!

Впрочем, охранники не разделяли его восторга. Они набросились на Рюмина – все сразу, – причем каждый почему-то целил ногой в живот. Или – в пах.

Капитан, демонстрируя очевидное превосходство классической школы бокса над восточными единоборствами, дошедшими до России в сильно разбавленном виде, быстро ушел с линии атаки. Надеяться на то, что конфликт разрешится без взаимных грубостей, больше не приходилось. Рюмин выбросил кулак и разбил одному из нападавших нос. Второй, накинущийся на опера с раскрытыми, словно для дружеских объятий, руками, был остановлен четким прямым в лоб.

Капитан старался держать дистанцию. Каждый из секьюрити был выше как минимум на полголовы, и килограммов на двадцать тяжелее. Стоило кому-нибудь из них добраться до Рюмина, повиснуть на руках – и все! На этом бой можно считать законченным.

Китель застегнут на все пуговицы, и кокарда – строго посередине лба. Рюмин умело маневрировал, огрызаясь главным калибром.

Периферическое зрение не хуже цейссовской оптики отслеживало движения противников. Рюмин исполнял легкий боксерский танец, отражая все выпады и постепенно продвигаясь к выходу из парка.

Он не заметил, как наступил на край черного плаща. Капитан покачнулся. Он всего лишь на мгновение потерял равновесие, но... Этого оказалось достаточно, чтобы охранники сбили его с ног.

«Сигнальщик! Поднять «погибаю, но не сдаюсь!»». Рюмин согнул руки, плотно прижав локти к ребрам, а кулаки – к лицу. Секьюрити, не особенно церемонясь, били его ногами. Капитан уворачивался, как мог, пытаясь смягчить удары.

В голове что-то зазвенело. Далекий звук нарастал, обретая силу и плоть, и внезапно прогремел под сводом черепной коробки оглушительным взрывом. Все вокруг задрожало и поплыло. Движения охранников стали потешными и замедленными, как при рапидной съемке. Рюмин больше не чувствовал ударов. Он отключился.

* * *

Капитан очнулся от назойливого дребезжания, исходившего откуда-то из внутреннего кармана френча. Рюмин, морщась от боли в помятых ребрах, достал мобильный. Дисплей был расколот, но телефон продолжал звонить – хриплым надтреснутым зуммером.

Рюмин поднес мобильный к уху.

– Да!

– Я тебя не разбудил? – послышался ехидный голос шефа. – Или, может, оторвал от чего-нибудь?

– Я работаю, – с трудом ответил Рюмин. – Иду по следу.

– Ну и как? Успешно? – поинтересовался Надточий. – Или – как всегда?

– Как всегда успешно, Андрей Геннадьевич! – стараясь придать голосу бодрость, отозвался капитан.

– Можешь что-нибудь доложить?

– Завтра, – пообещал Рюмин. – Заеду с утра в судебный морг и оттуда – напрямик к вам.

– Ладно. Жду, – начальник повесил трубку.

Рюмин огляделся. Он лежал, привалившись спиной к мусорному баку – где-то на задворках Агрономического музея Тимирязевской академии.

Капитан осторожно ощупал тело. Руки двигались, хотя и болели отчаянно – от кистей и до самых плеч. К завтрашнему утру они наверняка приобретут насыщенный синий цвет, будто он лазил в бочку с черничным вареньем. Ноги тоже работали, и это радовало.

Рюмин встал на четвереньки и несколько раз глубоко вдохнул. В левом боку закололо: видимо, пара ребер все-таки треснула, но это – не Бог весть какая проблема. Потуже обмотаться эластичным бинтом, и все будет в порядке.

Капитан ухватился за край бака и тяжело поднялся на ноги.

– По-моему, на сегодня хватит, – сказал он и поплелся в сторону площади, где была припаркована машина. – Что-то я немного устал...

* * *

Он въехал во двор старого «сталинского» дома с башенками на крыше, стоявшего неподалеку от Войковской. Поднялся на лифте на последний этаж и, опираясь на перила, преодолел короткий лестничный пролет, ведущий на чердак.

Капитан открыл железную дверь без таблички и ступил в маленький холл. После развода он оставил квартиру жене, а сам долго скитался по милицейским общежитиям, пока знакомый участковый не подсказал дельную идею.

Рюмин купил в переходе метро чистую трудовую книжку и тайком от начальства устроился дворником. За это ЖЭК выделил ему служебную жилплощадь – комнатку на чердаке, откуда узенькая лестница почти отвесно поднималась в башенку на крыше.

Капитан отремонтировал новое жилье, провел воду, канализацию и газ. Через год на ответственном посту дворника его сменил трудолюбивый таджик, знавший по-русски только «да» и «нет». Таджику дали угол в полуподвальном помещении, а Рюмин остался полновластным хозяином чердачной комнатки и башенки, что позволяло на вопросы коллег с гордостью отвечать: «Я живу в пентхаусе».

Капитан посмотрел на свое отражение в зеркале и пожал плечами.

– Бывало и хуже, – пробормотал он и отправился в душ.

Через полчаса, приведя себя в относительный порядок, постирав грязные вещи и переодевшись, Рюмин поднялся в башенку и вышел на крышу. В руках он держал пакет молока, наполовину пустую бутылку «White horse», стакан с широким доньшком и пластиковый пакет, набитый колотым льдом.

На крыше дома стоял навес, под ним – стойка со штангой, скамья и турник. Рюмин включил свет и налил молоко в пустую жестяную миску. Сел на скамью, высыпал лед в стакан и щедро плеснул из бутылки.

Он сидел, прижимая к лицу пакет со льдом, потягивал виски и любовался на догорающий закат.

– Что мы имеем? – сказал он. Разговаривать вслух с самим собой – обычная привычка всех одиноких людей. – Убита девушка. Жестоко. В собственной постели. Модель Ингрид, она же – Оксана Лапина. На месте преступления крутится посторонний, потом – исчезает неизвестно куда. Хозяин и – по совместительству – любовник убитой Ингрид, господин Рудаков, занимается сутенерством и подкладывает своих девочек богатым старикам. Он откуда-то знает, что Ингрид убита, и ужасно нервничает, но сам светиться не хочет, поэтому подставляет несчастную Этель. Но тут на сцене появляется доблестный капитан Рюмин, и...

Его прочувствованную речь прервало громкое мяуканье. Большой черный кот с одним глазом и сломанным хвостом степенно подошел к Рюмину и, мурлыкая, стал тереться об его ноги.

– Сезар! – укоризненно сказал капитан – кот получил свое имя в честь великого боксера Хулио Сезара Чавеса. – Какого черта?

Кот замолчал и единственным зеленым глазом, мерцавшим, как огонек свободного такси, уставился на Рюмина. Кончик его правого уха был отгрызен, неровный край запекся свежей бурой коркой.

– Ты – взрослый, солидный кот, а все туда же? – увещевал его Рюмин. – Опять подрался?

Сезар обиженно выгнул спину и направился к миске с молоком.

– Прости за откровенность, – продолжал капитан. – Мы же – друзья, так что давай называть вещи своими именами: мне кажется, всему виной – твой несносный характер.

Кот повернулся к нему спиной; сломанный, торчавший под нелепым углом хвост пренебрежительно дрогнул, словно Сезар хотел сказать «отстань!».

– А характер у тебя портится, потому что ты – один. Может, пора уже завести подружку? Ты никогда над этим не задумывался?

Кот оторвался от миски и сел, облизывая короткие, изрядно поредевшие в уличных схватках усы. Казалось, он действительно над чем-то размышлял. Но недолго – вскоре он снова принялся за молоко.

– Я понимаю, – кивнул Рюмин. – Воспитательный момент упущен. Ты наверняка думаешь: «Кто бы говорил?». Согласен. – Капитан сделал большой смачный глоток. – А знаешь? Мне сегодня аплодировали. Мною восхищались... Сказали: «Какой мужчина!» – он патетически воздел руку.

Сезар обернулся, недоверчиво сощурил зеленый глаз.

– Правда, это была не женщина, – поспешил добавить Рюмин. – Ну, в общем... Тебе не понять. У вас такого нет. Но все равно – приятно...

Кот, насытившись, вернулся к скамье и запрыгнул капитану на колени. Рюмин осторожно почесал его за раненым ухом.

Багровые отблески заката угасли. На город опускалась ночь, но капитан не видел ни одной звезды – мешали яркие огни рекламы.

Глава 6

Казалось, длинный черный коридор уходил в бесконечность. Неизвестную и пугающую. Холодная тьма стелилась по бетонному полу, некогда покрытому цветной мозаикой, а теперь – исшарканному тысячами ног.

Бронированные стекла в оконных проемах и обитые толстыми листами железа двери скрадывали все звуки.

Неизвестная пугающая бесконечность – в одну и другую стороны. А посередине, словно спасительный свет путеводного маяка – настольная лампа под зеленым абажуром.

Вяземская зябко поежилась.

Днем было тепло. Да и по ночам, в общем-то, не холодно – она до сих пор не закрывала окно, если спала дома, но здесь, на дежурстве...

Никогда еще коридоры в пятом корпусе института социальной и судебной психиатрии имени Сербского не казались ей такими холодными. Наверное...

«Наверное, ты просто нервничаешь перед завтрашней лекцией, подруга! Не изобретай головоломных объяснений, все гораздо проще и прозаичнее».

Она улыбнулась своим мыслям, и тьма тут же отступила. Страхи и тревоги перестают быть пугающими, если получают объяснение. И Вяземская, как психиатр, это прекрасно понимала.

Она действительно волновалась, хотя объективных причин для этого не было. Несмотря на молодость – в апреле ей исполнилось тридцать, – Вяземская считалась одним из самых известных и квалифицированных специалистов в своей области. Но одно дело – выступить перед студентами-пятикурсниками медицинского вуза, и совсем другое – перед докторами, умудренными долгими годами практики.

Вяземская знала лекцию наизусть – по сути, это был отрывок из ее кандидатской диссертации, – но ловила себя на мысли, что предвидеть все каверзные вопросы невозможно.

Она попыталась сосредоточиться и представить, как войдет завтра утром в огромный светлый зал и поздоровается со слушателями, многие из которых наверняка будут старше ее лет на десять, а то и все пятнадцать.

От этого ей снова стало не по себе, и Вяземская, чтобы отвлечься, придвинула стопку историй.

Она открыла папку, лежавшую сверху, достала ручку и склонилась над листами. Ее записи были видны сразу – четкие, сделанные округлыми разборчивыми буквами, внизу – понятная роспись с расшифровкой. Не то, что некоторые коллеги: не почерк, а какие-то хаотические колебания пера. Порой и сами не могут разобрать, что написали.

Вяземская резко выдохнула, сдувая густые темные пряди, упавшие на лицо. Мысленно вспомнила своих пациентов и наблюдения, сделанные во время вечернего обхода. Еще раз прочла фамилию на обложке и уже приготовилась писать...

В конце коридора послышался знакомый отрывистый стук, и потом – металлический скрежет замка. Санитары, медсестры и врачи, открывая двери, всегда сначала предупреждали о себе условным стуком. Это было что-то вроде системы опознавания «свой-чужой»; незыблемое правило, введенное еще прежним заведующим.

Однажды оно помогло предотвратить побег. Один хитроумный пациент, мастерски симулировавший психическое расстройство, выкрал у санитарки ключи и выбрался из палаты, но дальше общего коридора уйти не сумел: то ли в спешке, то ли от радости позабыл, что необходимо стучать, и угодил прямо в руки двум дюжим охранникам.

В дверь стукнули трижды: два раза – почти без паузы, и третий – немного погодя. Затем раздался скрежет замка, звучный, как лязг ружейного затвора, дверь захлопнулась, и Вяземская услышала быстрые шаги.

Она отодвинулась от стола, чтобы свет лампы не бил в лицо, и присмотрелась.

– Анна Сергеевна!

– Да? – насторожилась Вяземская.

Шаги приближались. Через пару секунд в конусе яркого света возникла фигура, облаченная в голубую униформу, и Вяземская увидела Валентину – дородную санитарку с пышными пшеничными усами.

Рукава, закатанные до середины плеча, открывали не по-женски развитые бицепсы, усеянные темными разнокалиберными веснушками. Огромная грудь, словно вырубленная из прочного монолита, всегда оставалась неподвижной, как быстро ни передвигалась Валентина; Вяземская, имевшая скромный второй размер, никак не могла понять, в чем тут фокус.

– Анна Сергеевна!!

Санитарка тяжело переводила дух, накрахмаленная шапочка намочила от пота и прилипла ко лбу.

– В чем дело?

Валентина ткнула мясистым пальцем за спину.

– В боксовом отделении!

– Да что такое?

Санитарка покачала головой, словно хотела сказать нечто, не слишком пристойное, но вовремя спохватилась.

– Вы должны сами это видеть.

Вяземская мгновение колебалась, раздумывая, стоит ли ставить в известность дежурного по стационару, но потом решила, что пока не стоит. Собственно говоря, она еще даже не знала, что именно случилось. Ее задача – сначала выяснить, а потом – доложить.

Анна решительно встала. Ножки стула противно скрипнули по бетону.

– Пойдем. Показывай! – сказала она.

Боксовое отделение располагалось на минус первом этаже, или, проще говоря, в подвале. Там, в трех изолированных комнатах, со стенами, обитыми мягким войлоком, содержались самые опасные пациенты.

Преступники. Насильники. Убийцы, чье психическое состояние вызывало наибольшие опасения.

Никто из дежурных врачей без особой необходимости не спускался на минус первый этаж. Да и лечащие появлялись не чаще, чем один-два раза в день. Анна не могла передать это словами, но всегда чувствовала, что в подвале царит особая атмосфера, пропитанная едким запахом ужаса.

Может быть, она и сейчас не отважилась бы спуститься в боксовое отделение в сопровождении одной санитарки, если бы не знала наверняка, что два из трех боксов сейчас пусты.

Занят только самый дальний, расположенный в конце коридора. Третий.

Правда, его обитательница была не из тех, с кем приятно пить чай на кухне и болтать о разных милых пустячках.

Нет, внешне она выглядела вполне невинно и даже – мило, но строчки в истории ее болезни заставляли волосы шевелиться.

Панина Елизавета Андреевна. «Безумная Лиза».

* * *

Анна шла первой. Она старалась держать себя в руках – врачу не пристало выказывать беспокойство в присутствии младшего медицинского персонала.

Вяземская отметила, что не забыла подать условный сигнал – трижды постучать – и мысленно похвалила себя за это.

«Молодец, подруга! Держись, не бойся!».

Она выпрямила спину и напрягла ягодицы: походка стала уверенной и твердой. Каблучки стучали по бетону в темпе «четыре четверти».

Анна миновала огромный холл, озаренный лишь тусклыми лампочками дежурного освещения, и подошла к широкой лестнице с истертыми ступенями. Ночью эта лестница смотрелась жутко – особенно если знать, куда она ведет.

– Осторожнее, Анна Сергеевна! – тихо сказала санитарка. – Скользко!

Вяземская поблагодарила ее кивком головы, положила руку на дубовые перила и начала спускаться. Она дошла до нижней ступеньки и, повернув направо, оказалась в узеньком коридоре с низким потолком.

Сделала пять коротких шагов и уперлась в массивную решетку. Каждый прут был толщиной в руку, а расстояние между ними – таким узким, что взрослый человек не смог бы протиснуть голову.

Никто и никогда не убегал из боксового отделения, да и нападений на санитаров или охранников Вяземская припомнить не могла, но все же – здесь было страшно. Аура этого места давала себя знать.

Анна вставила ключ в замочную скважину. Ей пришлось обхватить ключ обеими руками, чтобы сделать четыре оборота. Засов с надсадным стоном вышел из проушины, и решетка подалась.

Вяземская налегла на нее всем телом; пронзительный скрип петель разрезал сгустившуюся ночную тишину.

Анна ступила в коридор. Санитарка шла за ней следом; Вяземская ощущала ее горячее дыхание на своей шее.

До глухой стены, которой заканчивался коридор, оставалось немногим более двадцати шагов. Все здесь было маленьким и тесным; но язык не поворачивался назвать эту тесноту уютной.

Анна остановилась и замерла, но не услышала ни звука. Впрочем, это было объяснимо – бокс и коридор разделяла прозрачная стена из плексигласа, служившего хорошим звукоизолятором. Для надежности с наружной стороны бокса плексиглас усиливала стальная решетка – хоть и не такая толстая, как на входе, но вполне способная противостоять натиску олимпийской команды тяжелоатлетов.

Анна двинулась дальше, пытаясь глазом или ухом уловить шевеление в третьем боксе. Она почти дошла до стены...

Панина появилась из глубины бокса внезапно. Она бросилась на прозрачную пластиковую стену, и Анна от неожиданности вздрогнула, с трудом сдержав испуганный крик.

Панина застыла, положив руки на стекло. При желании Анна могла бы прочесть линии на ее ладонях.

Темные спутанные волосы закрывали лицо «безумной Лизы» и падали на грудь. За те шесть лет, что она провела в институте имени Сербского, Панину стригли два или три раза, в состоянии медикаментозного сна, и всегда – с опаской, что она вдруг некстати проснется.

Панина откинула голову: плотная пелена черных волос раздвинулась, и Анна увидела худое нервное лицо с узкими, искусанными в кровь губами. Но больше всего поражали глаза

– огромные, ярко-зеленого цвета, застывшие и пронизывающие насквозь. Казалось, они излучали незримый, но невероятно мощный, прямо-таки – неистовый свет.

Анна подумала, что эти глаза напоминают выход в параллельное измерение, откуда нет возврата.

– Панина! Что произошло?

Анна придала голосу надлежащую строгость, хотя и понимала, что интонацию украдет толстый плексиглас.

Пациентка молчала и продолжала смотреть на Вяземскую.

– Что вы сделали?

Анна прекрасно знала, что за шесть лет, проведенных Паниной в лечебнице, она не сказала ни слова. Вяземская и не ожидала ответа: хотя бы жеста, знака, – чего угодно.

Панина убрала ладони со стекла и взялась за отвороты больничной куртки. Рывком распахнула мешковатую темно-синюю одежду, обнажив верхнюю часть тела.

– О Боже!

Лиза была худоватой – Вяземская отчетливо видела каждое ребро и выступающую грудь – но грудь ее выглядела налитой и упругой. Темно-коричневые соски затвердели и набухли, однако вовсе не от холода.

Бледная кожа с просвечивающими венами не съежилась и не была покрыта пупырышками – напротив, она напоминала тающее масло; Вяземской показалось, будто она через стекло ощущает этот сладострастный жар.

Поперек гладкого живота тянулись три параллельных кровотокащих царапины, три такие же продольные царапины пролегли между грудями.

– Лиза!

Вяземская вдруг поняла, что впервые назвала пациентку по имени.

Панина закрыла глаза, запахнула куртку и крепко обняла себя обеими руками.

Должно быть, расцарапанную кожу сильно саднило, но «безумной Лизе» это доставляло удовольствие. Она улыбнулась и облизнула губы. На шее и лице проступили багровые пятна – предвестники сексуального наслаждения.

«Что с ней происходит? Наверное, она представляет, как ее обнимает мужчина? Кто он?».

Панина молчала. Да и не собиралась отвечать. Она оставалась для всех загадкой – вот уже шесть лет.

Лиза отступила вглубь бокса и села на полку, привинченную к стене. Тело ее сотрясала мелкая дрожь.

– Вы хотели причинить себе вред? Напрасно. В таком случае мне придется надеть на вас смирительную рубашку.

Лиза покачала головой и легла на спину. Она сдавила свое тело в объятиях и, подтянув колени к животу, издала громкий вздох.

Вяземская не услышала его – скорее, почувствовала. Ощутила всем телом энергию мощного и почти беззвучного оргазма. Толстый плексиглас на этот раз не был преградой.

– Панина?

Пациентка не отвечала. Она обмякла. Левая нога медленно разогнулась и коснулась пола.

Анна повернулась к санитарке.

– Ничего страшного. Пойдем.

Они дошли до конца коридора. Вяземская заперла за собой решетку.

– На завтрак, в чай – полграмма аминазина. Пусть уснет. Я хочу осмотреть ее и обработать повреждения.

Валентина с облегчением кивнула:

– Хорошо, Анна Сергеевна.

* * *

За окном занимался рассвет. По коридору бродили дрожащие синеватые тени. Свет настольной лампы померк и стал не таким ярким.

Вяземская сидела за столом и читала историю болезни, пытаясь найти новые, ранее ускользнувшие от ее внимания подробности.

Врач, в чьем ведении находилось женское боксовое отделение, уволился пару месяцев назад. Профессор Покровский временно поручил Анне присматривать за его единственной обитательницей, полагая, что это будет нетрудно.

«Панина Елизавета Андреевна», – значилось на обложке истории. И рядом – три вопросительных знака. Далее – «год рождения – 1975». И снова – вопросительные знаки.

Достоверным было только одно: в 1998-ом году Панина вышла замуж, но прожила в браке очень недолго. Точнее, недолго прожил ее муж. «Безумная Лиза» изрезала его бритвой – так, что окровавленные куски плоти валялись, разбросанные по всему супружескому ложу.

Она не сопротивлялась, когда ее привезли в институт и поместили в третий бокс. Она находилась в ступоре и не отвечала на вопросы.

Через четыре месяца лечащий врач решил, что Панину можно перевести в общую палату. Это было роковой ошибкой. Лиза набросилась на первую же попавшуюся женщину: выдавила пальцем глаз и вцепилась зубами в лицо.

Санитары били ее чем попало, пытаясь оттащить от жертвы, но сумели справиться лишь тогда, когда Панина выплюнула на пол изжеванное ухо.

Моментальный и совершенно непредсказуемый переход из полного покоя в состояние неконтролируемой агрессии напугал даже видавших всякие виды психиатров. На обложке истории болезни появился красный треугольник – условный знак, свидетельствующий о крайней опасности больной.

В настоящее время в институте имени Сербского содержалось восемь таких пациентов, и только одна из них была женщиной. Панина Елизавета Андреевна.

Она не шла на контакт и за последние шесть лет не произнесла ни слова. Она не поддавалась внушению, не реагировала на просьбы и уговоры. Если бы Вяземская сочла уместной аналогию с животным миром, то сравнила бы Панину с дикой кошкой, не пригодной к дрессировке.

На пантеру не действуют ни ласки, ни угрозы. Ее нельзя подчинить своей воле – можно только убить. «Безумная Лиза» была из этой редкой породы. И Анна ни на секунду не забывала, что Панина смертельно опасна.

Странные царапины не давали покоя. Вяземская решила, что после лекции обязательно осмотрит их повнимательнее. К тому времени Панина должна уснуть. Анна думала, что дозировка аминазина подобрана правильно, и ничего страшного не случится.

Во всяком случае, так ей казалось.

Глава 7

Рюмин знал только одну категорию людей, которым нравилось ходить в судебные морги. Это были сами судебные медики, да и то – далеко не все. По сути, вся судмедэкспертиза (как, наверное, и любое другое дело) держалась на энтузиастах, одержимых профессией.

Для оперативника из отдела по расследованию убийств регулярные визиты в морг были неотъемлемой частью работы – зачастую тело жертвы могло поведать о преступнике куда больше, нежели бестолковый или запуганный свидетель.

Рюмин прекрасно это понимал и никогда не пренебрегал сотрудничеством с экспертом, но привыкнуть к особой атмосфере патологоанатомического отделения так и не смог: не сумел достичь той степени отрешенности, когда труп воспринимается не как мертвый человек, а как объект исследования.

Тело девушки отправили в морг при Спасо-Перовском госпитале Мира и Милосердия, и капитан был этим доволен. В госпитале работала кафедра судебной медицины одного из московских медицинских институтов, и Рюмин по собственному опыту знал, что специалисты там подобались самого высокого уровня.

Без пяти девять он подошел к стоявшему меж толстых старых лип двухэтажному зданию, облицованному голубой кафельной плиткой. Не торопясь, наслаждаясь утренней свежестью и чистым (насколько это возможно в Новогиреево) воздухом, капитан выкурил сигарету. Затем достал круглую красную коробочку с вьетнамским бальзамом «Звездочка», припасенным специально для подобных случаев, и помазал верхнюю губу. Под ноздрями защищало, зато теперь Рюмин не чувствовал ничего, кроме ядреного запаха ментола, холодившего и обжигавшего одновременно.

Капитан вошел в здание и поднялся на второй этаж, в ординаторскую. Здесь, как всегда, было оживленно. Невысокий пожилой толстячок с кудрявой прядью иссиня-черных, наверняка крашенных волос, не в силах сдержатъ бьющую через край энергию, бегал по кабинету и, размахивая руками, кричал:

– Вы только взгляните на этот препарат, коллеги! Какие замечательные петехиальные кровоизлияния! Я настоятельно рекомендую, чтобы его включили в учебные пособия! Более наглядного препарата я еще не встречал. А уж я-то, – он поднял короткий толстый палец, – видел в этой жизни всякое, и только...

– ...природная скромность не позволяет вам утверждать, что вы видели в этой жизни все! – закончил за него Рюмин. – Здравствуйте, Вартан Гургенович!

Профессор Заселян застыл с предметным стеклышком в руке и некоторое время внимательно рассматривал капитана. Потом, придав голосу елейность, а лицу – благообразность, ответил:

– Здравствуйте, Сергей Петрович! Вы к нам – самотеком? На процедуру аутопсии, так сказать, или за какой другой надобностью?

– За другой, Вартан Гургенович.

– Простите, сразу не понял. Обычно тела, находящиеся в таком плачевном состоянии, к нам доставляют в горизонтальном положении.

– Не обращайтесь внимания, – отмахнулся Рюмин. – Это – маскировка. Оперативная хитрость. Потребовалось на время скрыть благородные черты лица и прикинуться избитым.

– Это в корне меняет дело, – согласился Заселян. – Тогда, я пожалуй, предложу вам кофе.

Рюмин задумался. Во-первых, профессор из рук вон плохо заваривал кофе, а, во-вторых, одна только мысль о том, чтобы влить в себя что-то горячее, вызывала отвращение.

– Если вы предложите мне кофе, тогда я, пожалуй, откажусь, – копируя интонации профессора, сказал капитан.

– Отлично! – обрадовался Заселян. – Тогда я, пожалуй, на правах радушного хозяина все-таки предложу вам кофе, но наливать не буду.

– Думаю, этот вариант устроит всех, – заверил Рюмин.

Профессор взял кружку с нарисованным сердечком, пронзенным стрелой, и налил в нее коричневую жидкость, по запаху напоминавшую жженую пробку. Щедрой рукой насыпал сахара из майонезной банки, размешал и с наслаждением отхлебнул.

– Ну-с! – сказал он, складывая руки на животе. – Рассказывайте, зачем пришли!

– Вартан Гургенович! Вчера к вам привезли девушку с Тимирязевской улицы. Я веду дело об убийстве...

– Что-нибудь нашли? – перебил Заселян.

– Пока ничего, кроме неприятностей.

– Понимаю, – кивнул профессор и посмотрел на лицо капитана.

– Мне бы хотелось получить максимально возможную информацию, – сказал Рюмин. – Дело, кажется, не совсем обычное.

– Интересный случай? – оживился Заселян.

– Да. Можно сказать и так.

Профессор протянул руку к пухлой амбарной тетради, лежавшей на столе.

– Как, говорите, ее фамилия?

– Лапина. Оксана Витальевна.

Заселян открыл тетрадь, перелистнул несколько страниц, нашел нужную строчку и подчеркнул ее толстым, как панцирь черепахи, ногтем.

– Да. Тело в холодильнике. Пока никто из экспертов не взял. Если не возражаете, Сергей Петрович, я займусь этим лично. Моей квалификации вы доверяете?

Рюмин поднял руки.

– Вполне.

– Хорошо. Я распоряжусь, чтобы тело подняли в секционную, и через пять минут буду готов. Не могу оторваться, – профессор показал на кружку с вонючей бурдой. – Божественный напиток!

– Как же, как же... – отозвался капитан. – Я помню.

* * *

Секционная, в которой обычно работал профессор, была просторным и светлым помещением. На окнах стояли цветы, на стенах, заключенные в аккуратные рамочки, висели плакаты с изображениями отдельных органов и систем человеческого тела.

Центральное место в секционной занимал широкий стол, сложенный из толстых мраморных плит. Плиты были белые, с голубоватым морозным узором; от одного взгляда на них становилось холодно.

К торцу основного стола примыкал столик поменьше, сделанный из нержавеющей стали. На нем стояли прецизионные весы и мерные сосуды для точного определения объема. Рядом, в специальной подставке, выстроилась целая батарея пробирок с резиновыми пробками; перед ней – череда пластиковых контейнеров для образцов тканей.

Заселян сменил парадный халат на рабочий, надел длинный фартук из оранжевой клеенки и две пары резиновых перчаток: первые – тонкие, туго обтягивающие руку, и вторые – прочные, грубые. Затем водрузил на лицо глухую маску из прозрачного пластика.

– Я готов! Где же санитары?

Двери открылись, и двое санитаров в темно-синих халатах и черных фартуках ввели каталку, на которой лежал черный пластиковый мешок с застежкой-«молнией». Они поста-

вили каталку рядом с мраморным столом и расстегнули «молнию». Вынули тело из мешка и перенесли на холодные плиты.

– Это все? – спросил Заселян, заглядывая в мешок. – А где одежда? На складе?

– Ее нашли именно так, – пояснил Рюмин.

– Ну что ж? Учтем.

Профессор принялся за работу. Он нажал на педаль под столом, и цифровой диктофон, микрофон которого свисал с потолка на длинном черном шнуре, начал запись.

– Протокол вскрытия, – Заселян заглянул в карту с данными, – Лапиной Оксаны Витальевны, за номером восемнадцать дробь сто пятьдесят шесть. Вскрытие проводит профессор Заселян Вартан Гургенович.

Он несколько раз обошел стол, цепким взглядом осматривая тело. Жестом приказал санитару перевернуть труп и оглядел спину, после чего быстро надиктовал перечень видимых повреждений.

– Теперь можно обмыть, – сказал профессор и отозвал Рюмина в сторонку.

– Ее убили в постели, – тихо, чтобы не включился чувствительный микрофон, сказал капитан.

– Да, я уже понял, – кивнул Заселян. – Странные порезы. Вы это имели в виду, когда говорили, что дело необычное?

– Да. И это тоже.

Санитары закончили обмывать тело, и профессор вернулся к столу. Прежде всего он исследовал окоченевшие мышцы, измерил наружную температуру и определил приблизительное время наступления смерти; измерение температуры внутренних органов позволило бы судить об этом точнее. Затем тщательно описал смертельную рану, взял мерную ленту и узнал расстояние между кровоподтеками на шее, оставшимися от пальцев убийцы. Потом переключился на порезы, тянувшиеся поперек живота и продольно – между грудей.

– Все повреждения носят прижизненный характер и нанесены острым режущим предметом с узким лезвием в пределах основного слоя дермы.

Заселян отметил несколько сломанных ногтей на руках – свидетельство того, что девушка сопротивлялась. Затем он раздвинул ноги убитой и исследовал наружные половые органы. Взял несколько мазков из влагалища, поместил один образец в пробирку, другой – на предметное стекло.

– В момент, непосредственно предшествовавший наступлению смерти, убитая имела половой акт. Ссадин, кровоизлияний и других следов насилия на наружных половых органах не обнаружено. Во влагалище – физиологическая смазка и следы спермы.

Профессор сделал выразительный жест, смысл которого был понятен только санитару. Тот кивнул и взял со столика длинный прозекторский нож. Рюмин отвернулся и отошел к окну.

– Я так понимаю, – сказал Заселян, подходя к капитану, – вас больше интересует картинка, чем сухой язык протокола.

– Да, если можно, – сказал Рюмин. – В акте судебно-медицинской экспертизы все слишком научно и в предположительной форме. Лучше опишите мне то, что видите.

– Извольте! Убийца – скорее всего, высокий. С крупными кистями и длинными сильными пальцами. Это видно по кровоподтекам на шее. Половой акт был ненасильственным. Девушка была согласна и даже хотела этого – стенки влагалища обильно увлажнены. Из того, что раны расположены на передней поверхности тела, я заключаю, что девушка лежала на спине. Итак, убийца вошел в нее, но дальше произошло то, чего она совсем не ожидала. Он схватил ее за горло и сдавил дыхательные пути. Возможно, даже вызвал серьезную асфиксию – это будет видно, когда получим образцы альвеолярной ткани. А потом – самое интересное. Порезы!

– Что с ними? – насторожился Рюмин.

– Вы обратили внимание, какие они ровные? Сделаны, как по линейке, и промежутки между ними везде одинаковые. Направление иногда чуть-чуть меняется – потому что девушка отбивалась, но рука убийцы не дрожит, заметьте! К тому же – они совсем неглубокие. Пять, максимум – десять миллиметров.

– Что это, по вашему, означает?

– Это означает, – Заселян обернулся и посмотрел на работу санитара, – что убийца не был в состоянии аффекта. Он действовал целенаправленно и методично, полностью себя контролируя.

– Хладнокровно, – добавил Рюмин, вспомнив ванную комнату, душ и пластиковую занавеску.

– Я бы даже сказал – обдуманно, имея в голове первоначальный план, – уточнил профессор. – Извините, мне пора продолжать.

«Обдуманно», – повторил про себя Рюмин, пытаясь создать мысленный образ убийцы.

Высокий, с длинными сильными пальцами, привлекательный – иначе с какой стати девушка, вокруг которой сотнями вьются ухажеры, стала бы с ним спать? И... совершенно непредсказуемый. Превосходно умеющий скрывать свои эмоции и намерения.

Погруженный в размышления, Рюмин не заметил, как профессор Заселян закончил работу.

– Зашивайте! – раздался его громкий голос, и через несколько секунд энергичный толстячок снова подошел к капитану.

– Это была бритва? – спросил Рюмин.

– Однозначно – да! – подтвердил Вартан Гургенович. – Бритва либо скальпель – но не обычный, хирургический, а, скорее, глазной.

– Понятно...

– К своим выводам могу добавить следующее: асфиксия действительно имела место. Убийца придушил девушку – вероятно, настолько, что она временно потеряла сознание и не сопротивлялась. Отсюда – такие точные и аккуратные порезы. Но тогда непонятно, зачем они вообще понадобились убийце? Если жертва была без сознания, то и боли она не чувствовала.

– Возможно, они носят ритуальный характер? – предположил Рюмин. – Осквернение, наказание, месть?

– Не знаю точно, но скажу вам еще кое-что...

Профессор снял маску, стянул верхние перчатки и бросил в раковину.

– За час, самое большее – полтора до смерти девушка плотно поела. В желудочном содержимом – стебли молодого бамбука, кусочки пресного теста, волокна мяса птицы. Но не курицы, а пожирнее... Вам это ничего не напоминает?

– Китайский ресторан! – догадался Рюмин.

– Именно. Утка по-пекински, – кивнул Заселян. – Стандартная мужская тактика: сначала – ресторан, потом – постель. Старо, как мир, зато срабатывает безотказно.

– Это, конечно, важно, но... – Рюмин покачал головой. – Увы, мало что дает: в Москве полно мест, где готовят утку по-пекински.

– Простите, – профессор развел руками, – больше ничем помочь не могу. Заключение пришлю по факсу или с курьером – как вам будет угодно.

– Спасибо, Вартан Гургенович! – Рюмин уже собирался откланяться, но Заселян тихонько взял его за рукав.

– И напоследок, Сергей Петрович... Понимаю, это не мое дело – вы и сами все знаете, но... Будьте осторожны! Мне кажется, этот человек очень умен. И очень опасен.

Рюмин вздрогнул. Слова сказанные Заселяном, в точности соответствовали его собственным мыслям. Вряд ли это просто совпадение.

Глава 8

Вяземская посмотрела на часы – без пяти десять. Она приоткрыла дверь и выглянула в щелочку. Зал был почти полон. Слушатели расселись за лекционными столами, ожидая появления докладчика. То есть – ее.

Анна так же тихо закрыла дверь. Сердце колотилось, отбивая, наверное, сто двадцать ударов в минуту. Вяземская еще раз бросила взгляд на листок с тезисами. Все понятно, все знакомо, все ясно. Она справится.

Анна подошла к зеркалу и взглянула на свое отражение. Черные блестящие волосы собраны на затылке в пучок, густая челка закрывает лоб. На лице – минимум косметики, разве что – еле заметные стрелки, зрительно удлиняющие разрез глаз. Нежные, персиковых тонов, тени – чтобы скрыть синие круги после бессонной ночи дежурства, и капелька румян. Она готова.

Секундная стрелка настенных часов с хрустом крутила последний оборот. Анна взяла листок с тезисами и уже направилась к двери, ведущей из комнаты лектора в лекционный зал, но вдруг что-то ее остановило. Она вернулась к зеркалу и сняла заколку. Резко нагнулась и выпрямилась, встряхнув головой. Пышные волосы рассыпались по плечам.

Вяземская придирчиво осмотрела свой зеркальный образ. Так гораздо лучше. Кто сказал, что кандидат наук непременно должен быть похож на учительницу начальных классов? Почему она должна подавлять в себе женское начало и стараться быть незаметной, как серая мышь? Конечно, положение обязывает. Она – врач, известный специалист и ученый. Человек, у которого содержание преобладает над формой. Но, помимо всего прочего, она – женщина, и к тому же – весьма привлекательная.

Анна усмехнулась. «Едва ли на свете есть хоть одна женщина, в глубине души считающая себя некрасивой. И ты, как психиатр, это прекрасно знаешь. Но... Забудь. Это – не твой случай. Ты красива. Ты – очень красива!».

Вяземская высоко подняла голову. Спина выпрямилась, походка стала легкой и стремительной. Она завоюет этот зал. Нет, не то! Ей даже не потребуется его завоевывать – зал сам упадет к ее ногам. Да. Так и будет!

Ровно в десять часов утра Вяземская начала лекцию.

* * *

Елизавета Панина сидела на жесткой полке, крепко прикрученной к бетонной стене, обитой толстым войлоком, и смотрела на рисовую кашу. Посередине сероватой массы колыхался желтый кружок растаявшего сливочного масла, на краю алюминиевой тарелки лежал кусочек жареного минтая. На узеньком столике, намертво привинченном к полу, стояла кружка с теплым чаем, накрытая куском черного хлеба.

Обычный завтрак. Ничего особенного.

Панина подняла голову. По другую сторону толстого плексигласа стояла надзирательница, заступившая в дневную смену, и внимательно следила за каждым ее движением.

Губы Паниной дрогнули в презрительной усмешке. Она зачерпнула полную ложку каши и демонстративно положила ее в рот. Медленно прожевала и проглотила. Она проделала это еще шестнадцать раз, пока тарелка не опустела. Затем съела рыбу, встала с полки и подошла к столу.

Надзирательница напряглась. Ее лицо по-прежнему ничего не выражало, но Панина – обостренным звериным чутьем – уловила, что она напряглась.

Лиза взяла кусок хлеба, разломала пополам и одну половинку положила на тарелку. Это правило соблюдалось неукоснительно. Как бы она ни была голодна, на тарелке должно хоть что-то оставаться. Пусть знают, что ей не нужна подачка. В душе человека, насильно лишенного свободы, нет места благодарности за хлеб и кашу.

Панина съела хлеб, запила едва теплым чаем. Он сильно горчил – как осенний воздух в парке, когда асфальт еще сух и чист, а под ногами шуршат пожелтевшие листья.

Лиза улыбнулась и широко открыла рот, показывая, что все съела. Затем поставила посуду в лоток и подвинула на ту, недоступную ей сторону толстого стекла. Надзирательница осторожно приблизилась и забрала миску, чашку и ложку.

Дождавшись, когда она уйдет, Лиза быстро сняла больничную пижаму и легла на кровать. Голова тихонько кружилась, мысли, в отличие от обычных дней, были яркими и теплыми, но – какими-то ускользающими.

Панина вытянулась во весь рост и незаметно для себя уснула.

Широко открытые зеленые глаза неподвижно смотрели в серый, покрытый паутиной и плесенью потолок.

* * *

– Проблема заключается в том, уважаемые коллеги, что мы привыкли трактовать слово «маньяк» слишком узко...

Вяземская обвела взглядом аудиторию. Прошло каких-нибудь пятнадцать минут, а она уже полностью завладела вниманием слушателей.

Сначала пропал надоедливый скрип ножек стульев по старому щербатому паркету. Затем стихли покашливания и смешки. Остался только шелест тетрадных страниц – кто-то делал записи, конспектируя ее лекцию.

– Вспомним классическое: «маньяк – это человек, одержимый манией». Одно определение отсылает нас к другому. Хитрая уловка, не правда ли?

Анна выдержала паузу, предоставляя слушателям возможность мысленно с ней согласиться. И тут же – опровергла свои слова.

– Нет, коллеги! Это – не уловка. Это, скорее, похоже на признание собственной беспомощности. Психиатрия не является точной наукой – потому что психическое состояние человека имеет склонность меняться, и зачастую – очень быстро. Это – приспособительная реакция человека на изменение условий обитания. Вспомните, что мы считаем манией? Я выписала из научных пособий два определения мании. Сейчас я их вам прочитаю, а вы, пожалуйста, подумайте, какое из них нам подойдет.

Анна вернулась к лекционной кафедре и взяла заранее заготовленную карточку.

– «Мания – психическое расстройство, характеризующееся повышенным настроением, двигательным возбуждением, ускоренным мышлением, говорливостью», – прочитала она. – Стало быть, коллеги, человека, одержимого данным видом психического расстройства, мы назовем маньяком?

Слушатели некоторое время молчали. Затем седой мужчина с пышными усами, сидевший во втором ряду, с сомнением покачал головой:

– Насколько я помню результаты наблюдений за Чикатило, он не отличался повышенным настроением и говорливостью – ни до, ни после ареста...

– Да, – подтвердила дама с высокой прической. На шее у нее был повязан ярко-зеленый платок. – Что касается ускоренного мышления, то это вполне применимо к Оноприенко, но совсем не подходит к «Фишеру»-Ряховскому.

Анна ожидала подобной реакции. Она все рассчитала точно. Аудитория включилась в работу, и даже примеры были приведены классические, ставшие уже хрестоматийными.

– Верно, коллеги. Это определение не подходит. Но задача остается. Нам нужно абсолютно точно классифицировать понятие «маньяк» с медицинской точки зрения. Это необходимо для подведения адекватной правовой базы.

В зале зашумели. То, что говорила Вяземская, напрямую относилось к одному из самых острых вопросов в социальной и судебной психиатрии: в каком случае преступника следует считать вменяемым, а в каком – нет? Некоторые исследователи предлагали ввести термин «ограниченная вменяемость», но это только все запутывало и усложняло.

Анна подняла руку.

– Теперь послушайте другое определение. «Мания – это патологическое стремление, влечение, страсть». Куда короче и проще предыдущего. Но... Неконкретное. И неконкретность проистекает именно из этого слова – «патологическое». Я ведь не зря сказала, что изменение психического состояния есть приспособительная реакция человека на изменение условий обитания. Мир вокруг нас становится другим – каждую секунду. Как это учесть? Скажем, можно ли считать маньяками религиозных фанатиков? Или – каннибалов? В Африке, Южной Америке и на островах Полинезии до сих пор есть племена, которые поедают себе подобных. Но ведь это случалось и в Европе, и в России. Совсем недавно – в двадцатые-тридцатые годы, в ленинградскую блокаду... Это было страшно, но это было. Физиологические потребности отменили этические нормы. И мы не вправе считать этих людей маньяками, потому что у них не было другого выхода. У жителей современной Африки альтернатива каннибализму есть. Но это тоже не является основанием для того, чтобы поголовно записывать их в маньяки. Все упирается в трактовку слова «патология». В психиатрии граница между нормой и патологией очень нечетка. Расплывчата. И она напрямую зависит от моральных, этических и правовых норм, принятых в обществе. Как видите, термин «маньяк» имеет ярко выраженный социальный оттенок. Однако же мы знаем, что, когда маньяк совершает убийство, то меньше всего думает о социологии. Он руководствуется другими соображениями. Так как же нам выработать однозначное медицинское определение, не зависящее от социальных предпосылок? Это важно. По сути, мы должны решить, как отделить науку от государства.

Это и была тема ее кандидатской диссертации, которой аплодировали и ученый совет института, и аттестационная комиссия. Важность проблемы ни у кого не вызвала сомнений, и Вяземская, как никто другой, была близка к ее разрешению. Оставалось только утвердить ее выводы в виде обязательных директив.

Анна вышла из-за кафедры, собираясь перейти к основной и затем – заключительной части лекции, но в этот момент откуда-то из задних рядов донесся спокойный голос.

– А стоит ли так усложнять?

– Простите? – опешила Вяземская, взглядываясь в лица людей, сидевших «на галерке».

Со стула, стоявшего ближе других к выходу, поднялся высокий молодой человек лет тридцати, по виду – ровесник Анны. Густые темно-каштановые волосы были зачесаны назад. Зеленые глаза смотрели с лукавым прищуром. Он был одет в голубые классические пятикарманные джинсы и коричневый свитер с короткой молнией у самого выреза. На спинке стула Вяземская заметила рыжую потертую кожаную куртку, какие обычно носят рок-музыканты или байкеры.

Молодой человек улыбался – открытой обезоруживающей улыбкой.

– А если нам подойти к этому с другой стороны? – спросил он.

– Что вы имеете в виду?

– Есть и третье определение мании. Правда, сейчас оно считается устаревшим, но, по моему, подходит как нельзя лучше. «Мания есть синоним слова «бред». А бред – это симптом психического расстройства, проявляющийся в ложных суждениях, умозаключениях, которые имеют лишь субъективное обоснование и не поддаются коррекции». Блейлер, «Практическое пособие по психиатрии», Берлин, 1908 год.

Вяземская натянуто улыбнулась.

– Разумеется, это аргумент. Спорить с Блейлером, основателем современной психиатрии, нелегко, да и... Попросту глупо.

Наглый зеленоглазый выскочка снисходительно кивнул.

– В этом определении есть два необходимых ключевых момента, которые позволяют классифицировать понятие «маньяк» предельно точно. С одной стороны, умозаключения маньяка имеют лишь субъективное, то есть – верное для него одного, обоснование, и с другой – не поддаются коррекции. Выражаясь проще – неизлечимы.

После этой фразы Анна поняла, что говорить ей больше не о чем. Парень буквально в двух словах сформулировал то, что она хотела дать в более развернутом виде. И пусть аудитория этого наверняка бы не поняла, но сама-то она об этом знала! И молодой человек в голубых джинсах тоже знал.

– Спасибо за дельное замечание, коллега! – вежливо сказала Анна, думая совершенно о другом: «И зачем ты только сюда приперся?».

Вяземская кивнула, и молодой человек сел на место. Анна дочитала лекцию до конца, но уже как-то сухо и без задора. Пропал кураж, который она чувствовала в самом начале. И ощущения заслуженного триумфа тоже не возникло.

Последние четверть часа Вяземская старалась не смотреть на задний ряд, хотя... Она ловила себя на мысли, что хотела бы еще раз увидеть эти зеленые насмешливые глаза.

Ровно в одиннадцать Анна подвела итог и поблагодарила слушателей за внимание. Раздались довольно жидкие аплодисменты – жалкое подобие того, на что она рассчитывала.

Перед тем, как все стали подниматься, Вяземская взглянула на последний ряд – на место, ближе к выходу, и... Никого не увидела.

Молодой человек в потертой кожаной куртке исчез, словно его и не было, а она даже не заметила.

«Ну и ладно», – подумала Анна и скрылась в лекторской комнате. Она попыталась выкинуть из головы досадный инцидент. Предстояло еще осмотреть спящую Панину – занятие куда более важное, нежели мысленный спор с нахальным субъектом.

На минус первом этаже, в третьем боксе, «безумная Лиза» лежала на спине с открытыми глазами и улыбалась во сне. Наверное, ей снилось что-то приятное.

Глава 9

– Странно, – полковник Надточий, начальник отдела МУРа по расследованию убийств, вытянул над столом длинные руки и громко хрустнул пальцами. – И почему меня это не удивляет?

Рюмин не знал, что ответить. Вообще-то, ответа и не требовалось. К своей репутации неуживчивого скандалиста капитан не добавил ровным счетом ничего.

– Товарищ полковник... Андрей Геннадьевич... Я, собственно говоря, хотел рассказать, как продвигается расследование...

– Не трудись, – ядовито сказал Надточий. – Я вижу. Может быть, все-таки снимешь очки?

– Зачем? Они защищают глаза от солнца, – возразил Рюмин. – И потом, они мне очень идут.

– Хочешь сказать, что в них ты выглядишь лучше?

– Значительно.

– Хорошо. Пусть так, – согласился Надточий. Он вздохнул и тоскливо посмотрел в окно. – Начинай. Я слушаю.

Рюмин, обрадовавшись, что воспитательная работа на время откладывается, положил на зеленую скатерть тонкую картонную папку.

Кратко и по существу, за несколько минут он рассказал все события вчерашнего дня, обойдя стороной самые щекотливые моменты.

– Ты обозначил круг возможных подозреваемых? – спросил начальник.

– Наиболее вероятная кандидатура – господин Рудаков.

– Мотив?

– Он состоял в любовной связи с жертвой. Убийство из ревности. Или – из мести. Буду работать в этом направлении.

– Основания?

– Мне кажется, Рудаков знал о смерти девушки – еще до того, как подруга убитой обнаружила тело. Поэтому и дал ей ключ, чего раньше никогда не делал.

– Это могло быть простым совпадением.

– Я не верю в совпадения, когда речь идет об убийстве, – заявил капитан.

– Доказательная база? Улики?

– Никаких, – честно признался Рюмин.

Надточий покачал головой, встал из-за стола и в задумчивости прошелся по кабинету. Он остановился рядом с сейфом, дважды повернул ключ и открыл бронированную дверь.

– Теперь я тебе кое-что скажу. А ты – постарайся меня услышать, – казалось, полковник колебался, не зная, с чего начать. Наконец решился и перешел к самой сути. – Взять Рудакова нам никто не даст. – Начальник увидел, что капитан готов оспаривать его слова, и добавил. – Даже если окажется, что он виновен.

Рюмин резко встал, сунул под мышку папку и вытянулся по стойке «смирно».

– Товарищ полковник! Разрешите идти?

– Да хватит, – поморщился Надточий. – Прекрати пустое позерство! Ты думаешь, мне очень приятно это говорить? Нас никто не слышит. Свидетелей нет. Так что – засунь свою гордость туда, где солнце не светило! Я тебе не приказываю, только – советую. На правах старшего товарища. Ты можешь делать все, что хочешь, но не забывай: до суда дело не дойдет. Мне уже четко дали понять, что его развалят по дороге – слишком могущественные у этого Рудакова покровители. А у тебя единственный покровитель – я, и меня всю ночь гоняли, как пса паршивого, за твои выходки!

– Я должен извиниться? – насупился Рюмин.

– Перед моей женой, – улыбнулся Надточий. – Она была очень недовольна поздними звонками, которые не давали ни спать, ни... В общем, ей бы хотелось, чтобы эта ночь была более содержательной.

– Я могу чем-то помочь? Чтобы она стала более содержательной?

– Косвенным образом, – с нажимом сказал полковник.

– Закрывать дело?

– Ни за что! От тебя требуется прямо противоположное. Продолжай работать, но... Не копай под Рудакова. Забудь!

– Его уже назначили невиновным?

– Да. И еще. Его адвокат сказал, что господин Рудаков ждет твоих извинений – как подтверждение лояльности и благоразумия. В противном случае, – начальник повысил голос, предвидя возражения капитана, – он напишет заявление. Превышение служебных полномочий, нанесение легких телесных повреждений, оскорбление действием, – в этом букете будет много цветов. Выбирай все, что душа пожелает.

Надточий достал из сейфа лист бумаги с адресом модельного агентства, принадлежащего Рудакову, и положил на стол перед Рюминым.

– Решай сам, – сказал полковник.

Капитан молчал. Темные стекла очков скрывали его глаза. Невозможно было понять, куда он смотрит. То ли – на начальника, то ли – на листок с адресом.

– Андрей Геннадьевич! – наконец сказал он. – Противно? Гнуться-то?

Надточий с грохотом захлопнул сейф. Ключ дважды проскрежетал в замке. Полковник вернулся к письменному столу, тяжело опустился на стул и посмотрел на Рюмина.

– Продвижение по служебной лестнице предполагает определенную гибкость позвоночника. И чем выше чин – тем больше гибкость. Только не говори, что никогда об этом не знал.

– Догадывался, – вздохнул Рюмин. – Но смутно. Наверное, поэтому я все еще капитан.

Он взял листок, лежавший на столе, сложил вчетверо и сунул в карман.

– Разрешите идти?

– Хорошие очки, – похвалил Надточий. – Они тебе действительно идут...

Глава 10

Вяземская стояла в коридоре боксового отделения и смотрела на обнаженное тело «безумной Лизы».

– Вы сказали ей раздеться? – спросила она надзирательницу.

Женщина в форме поджала бледные жесткие губы. Глубокие складки, тянувшиеся от носа к углам рта, дрогнули и разошлись, словно трещины в камне. Казалось, ее лицо, походившее на лик гранитной статуи, явственно хрустнуло.

– Нет.

– Значит, она сделала это сама? – удивилась Анна.

– Да, – подтвердила немногословная надзирательница.

– Интересно... – пробормотала Вяземская.

Женщина в ответ пожала плечами. Связка ключей, висевшая на поясе, тихо звякнула.

«Перестань! – одернула себя Анна. – Зачем анализировать поступки психически больного человека с помощью обыкновенной логики? Так можно нафантазировать что угодно, вплоть до того, что она умеет читать мысли».

Панина внезапно пошевелилась. Губы ее дернулись, словно она пыталась что-то сказать. Это было так же странно, как увидеть цветок, пробивающийся сквозь бетонный пол. Анна застыла, обратившись в слух, но толстый плексиглас скрадывал все звуки.

– Вы уверены, что она спит? – спросила Вяземская.

Надзирательница шагнула к стеклу и несколько раз стукнула крепким кулаком. Глухая дрожь пробежала по полу, но густой и вязкий воздух оставался неподвижен – низкие и мрачные своды боксового отделения убивали эхо.

– Хорошо. – Анна подкатила к плексигласовой стене небольшой столик на колесах и указала на бронированную дверь, обшитую металлическими полосами. – Открывайте.

Надзирательница посмотрела на нее: удивленно и в то же время – снисходительно, почти ласково. Так мать смотрит на свое чадо, объявившее вдруг, что знает, откуда берутся дети.

– Подождите, – сказала она.

Вяземская мысленно упрекнула себя за излишнюю торопливость; она до сих пор не привыкла к особенностям режима в боксовом отделении.

Со стороны лестницы, ведущей на первый этаж, послышались шаги. Огромная решетка, преграждавшая вход в коридор, отворилась, и в боксовое отделение вошел здоровенный охранник в черной форме и черных сверкающих ботинках. Ремни новенькой скрипящей портупей перекрещивали широкую спину. От них исходил запах свежей, ненашенной кожи – пожалуй, самый приятный запах на минус первом этаже. Охранник щелкнул замком, закрывая за собой решетку. Он кивнул, приветствуя обеих женщин, и осторожно отстранил их от бронированной двери.

Мужчина снял пристегнутую к поясу дубинку и достал из кармана портупей электрошокер.

– Я готов.

Надзирательница сдвинула тяжелый засов. Под ним оказалась замочная скважина. Женщина вставила ключ и сделала три быстрых оборота. Дверь не распахнулась и даже не сдвинулась ни на миллиметр, но Вяземская вдруг отчетливо ощутила, что запоров больше нет. От этой мысли по спине Анны пробежал холодок. Она непроизвольно сглотнула слюну, увлажняя моментально пересохший рот, и с надеждой посмотрела на охранника.

Тот не торопился. И надзирательница не спешила вытаскивать ключ из замочной скважины. Они оба пристально смотрели на спящую, но Панина не шевелилась. Тогда охранник кивнул, с видимым усилием открыл дверь и вошел в третий бокс.

Он не шел, а крался, стараясь ступать бесшумно. Вяземская поймала себя на мысли, что со стороны это может показаться нелепым и даже смешным: большой сильный мужчина боится худой невысокой женщины, которая лежит, обнаженная, и спит под действием аминазина. Но это только со стороны. Надо быть справедливой: охранник не боялся, он опасался. А это все-таки разные вещи. Да и кто бы на его месте не опасался, зная историю «безумной Лизы»?

Охранник подошел к Паниной и медленно провел над ее головой дубинкой. Никакой реакции. Он зажал резиновую палку под мышкой и осторожно отвернул матрас.

По обеим сторонам полки, примерно посередине, к раме были прикручены металлические кольца. К ним крепились короткие ремни с пряжками. Охранник взял руку Паниной и обхватил ремнем запястье. Затем то же самое проделал с другой рукой. Потом настала очередь ног.

Мужчина убедился, что пациентка надежно зафиксирована, взял дубинку за оба конца и стал у изголовья, готовый в любую секунду надавить «безумной Лизе» на горло и обездвижить ее.

– Входите.

Вяземская, толкая перед собой столик на колесах, вошла в третий бокс. Надзирательница стала по левую руку, у ног Паниной.

Анна достала из кармана халата стерильную упаковку с перчатками и, совладав с легкой дрожью в пальцах, сорвала пергаментную облатку. Надела перчатки и набрала в шприц кубик галоперидола.

На локтевом сгибе «безумной Лизы» отчетливо проступали вены. Анна протерла белую кожу спиртовым шариком. Острая игла проколола кожу и мягко вошла в сосуд. Вяземская оттянула поршень; в шприце закружилась капля темной крови. Анна медленно ввела препарат, наблюдая за реакцией.

Тело Паниной обмякло, дыхание стало более глубоким и редким.

– Можно приступать, – сказала Анна.

Надзирательница вытерла тело пациентки влажной салфеткой. От Паниной пахло потом, грязь отслаивалась от кожи и скатывалась в плотные серые катышки. Анна смочила марлевый тампон в перекиси водорода и размыла бурые корки, покрывавшие царапины. Затем сняла перчатки и взяла фотоаппарат.

Повреждения на теле Паниной располагались симметрично: три поперечных царапины на животе и три продольных – на груди. Шесть глубоких кровотокающих бороздок, напоминавших некую причудливую разметку. Анна считала, что их расположение носило отнюдь не случайный характер, но какой во всем этом был сокрыт смысл? Вяземская не могла найти подходящего объяснения, а надеяться получить его от «безумной Лизы» было по меньшей мере глупо.

Видеоискатель цифрового «Кэнона» показывал тело неподвижно лежащей женщины. Анна нажала на спуск. Плотный белый свет заполнил крохотный объем третьего бокса. Вяземская изменила ракурс, затем дала двукратное увеличение. Она сделала пару десятков снимков и решила, что этого достаточно. В ординаторской она скопирует их на жесткий диск компьютера и затем сможет рассмотреть во всех деталях. Задерживаться в третьем боксе без особой причины совсем не хотелось.

Анна убрала фотоаппарат и снова надела перчатки. Дело оставалось за малым: обработать повреждения зеленкой и залить медицинским клеем – инструкция запрещала применять в таких случаях бинт или лейкопластырь, поскольку они могли быть использованы больным, как веревка.

Вяземская еще раз промыла царапины перекисью. Внезапно на коже проступила еле заметная белая линия. Она то тянулась параллельно царапине, то наслаивалась на нее.

– Что это? – пробормотала Анна.

В боксе не было ламп – приходилось довольствоваться светом, проникавшим из общего коридора через плексигласовую стену. Вяземская напрягала глаза, но так и не смогла разобраться, действительно ли она это видит, или ей только кажется?

– Дайте мне фонарик.

Надзирательница отцепила от пояса фонарик и протянула Вяземской. Анна нажала черную кнопку и направила яркий узкий луч на кожу пациентки.

Так и есть! Ей не показалось! Анна внимательно изучила все шесть царапин и везде рядом с ними обнаружила тонкие белые линии.

«Но это же многое меняет! – подумала Вяземская. – И почему это не описано в истории?».

Ночью она еще раз перечитала историю болезни Паниной, но упоминания о шести белых линиях нигде не встретила. Возможно, коллеги, занимавшиеся «безумной Лизой» раньше, не придали им значения, но, скорее всего, они их просто не заметили, удовлетворившись поверхностным осмотром. Другого объяснения Вяземская не находила.

Анна обработала раны Паниной, взяла запястье и нащупала лучевую артерию. Пульс был невысокий и ритмичный, около шестидесяти ударов в минуту. Глаза пациентки по-прежнему оставались широко открыты.

– Все в порядке, – сказала Вяземская. – Она спит.

Надзирательница помогла Анне выкатить столик в коридор. Охранник расстегнул ремень, стягивавший левую руку «безумной Лизы». Остальное она должна была сделать сама, когда проснется.левой руки достаточно, чтобы освободить правую, ну, а снять путы с ног, имея в распоряжении обе руки – вообще не проблема. Пятясь спиной вперед и ни на секунду не выпуская Панину из поля зрения, он направился к выходу из бокса.

Надзирательница закрыла за ним дверь и заложила засов. Охранник выглядел повеселевшим; наверняка он был доволен, что все закончилось быстро и без происшествий.

– Я могу идти? – спросил он.

Анна рассеянно кивнула.

– Да. Спасибо.

Надзирательница проводила охранника долгим взглядом и, дождавшись, когда глухой стук ботинок затих вдали, обратилась к Вяземской:

– Доктор! Что-то случилось?

Анна не знала, что ответить. Безусловно, что-то случилось, но что именно – этого она понять не могла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.